

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ НАШИМЪ ПРОТИВНИКАМЪ.

(МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ).

Въ послѣднее время въ нашей литературѣ снова поднятъ вопросъ о томъ, по какому пути пойдетъ экономическое развитіе Россіи. Объ этомъ вопросѣ говорятъ много и горячо, такъ горячо, что люди, извѣстные въ обществѣ подъ именемъ разсудительныхъ, даже смущаются излишнею будто бы горячностью спорящихъ сторонъ: зачѣмъ волноваться, зачѣмъ бросать противникамъ гордые вызовы и горькіе упреки, зачѣмъ насмѣхаться надъ ними,—говорятъ разсудительные люди,—не лучше ли хладнокровно разсмотрѣть вопросъ, который, дѣйствительно, имѣетъ громадную важность для нашей страны, но именно вслѣдствіе своей громадной важности требуетъ хладнокровнаго обсужденія?

Какъ это всегда было и бываетъ, разсудительные люди правы и неправы въ одно и то же время. Зачѣмъ волнуются и горячатся писатели, принадлежащіе къ двумъ лагерямъ, изъ которыхъ каждый, чтобы тамъ ни говорили его противники, стремится отстоять, по мѣрѣ пониманія, силъ и возможности, самые важные, самые насущные интересы народа? Повидимому, достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы немедленно разрѣшить его разъ навсегда съ помощью двухъ-трехъ сентенцій, годныхъ въ любую прописку: терпимость прекрасная вещь; уважать чужія мнѣнія надо даже тогда, когда они радикально расходятся съ нашими, и т. п... Все это очень справедливо, и давно уже все это «твердили міру». Но не менѣе справедливо и то, что человѣчество горячилось, горячится и будетъ горячиться всякій разъ, когда заходила, заходитъ или пойдетъ рѣчь объ его насущныхъ интересахъ. Такова уже природа человѣка, сказали-бы мы, если бы не знали, какъ часто и какъ сильно злоупотребляли этимъ выраженіемъ. Но это еще не все. Главное въ томъ, что человѣчеству и нѣтъ основаній сожалѣть о таковой своей «природѣ». Ни одинъ великій шагъ въ исторіи не былъ сдѣланъ безъ помощи страсти, которая, удесятеренная

нравственные силы и изощряя умственные способности дѣятелей, сама является великой прогрессивной силой. Хладнокровно обсуждаются только такіе общественные вопросы, которые совсѣмъ не важны сами по себѣ или еще не стали *очередными* вопросами данной страны и данной эпохи, а потому и интересуютъ собою только горсть кабинетныхъ мыслителей. А разъ вышелъ на очередь тотъ или другой великій общественный вопросъ, онъ непремѣнно возбудитъ великія страсти, сколько бы ни кричали о хладнокровіи сторонники умѣренности.

Вопросъ объ экономическомъ развитіи нашей страны есть именно тотъ великій общественный вопросъ, который не можетъ теперь обсуждаться у насъ съ умѣренностью по той простой причинѣ, что онъ сталъ *очереднымъ вопросомъ*. Это не значитъ, конечно, что только теперь экономія приобрѣла рѣшающее значеніе въ нашемъ общественномъ развитіи. Ей всегда и вездѣ принадлежало такое значеніе. Но у насъ, — какъ и вездѣ, — это значеніе не всегда сознавалось людьми, интересовавшимися общественными дѣлами, а потому люди эти сосредоточивали силу своей страсти на вопросахъ, касающихся экономіи лишь самымъ отдаленнымъ образомъ. Вспомните хоть наши сороковые года. Теперь не то. Теперь коренное, великое значеніе экономіи сознается у насъ даже тѣми, которые горячо возстаютъ противъ «узкой» исторической теоріи Маркса. Теперь всѣ мыслящіе люди сознаютъ, что все наше будущее сложится сообразно тому, какъ рѣшится вопросъ нашего экономическаго развитія. Оттого и сосредоточиваютъ на этомъ вопросѣ всю силу своей страсти даже совсѣмъ не «узкіе» мыслители.

Но если нельзя намъ теперь обсуждать этотъ вопросъ съ *умѣренностью*, то и теперь можно и должно заботиться намъ объ *аккуратности*, а лучше сказать объ отсутствіи *распушенности*, какъ въ опредѣленіи нашихъ собственныхъ мыслей, такъ и въ нашихъ полемическихъ приѣмахъ. Противъ этого требованія рѣшительно ничего возразить невозможно. Западныя люди прекрасно знаютъ, что серьезная страсть исключаетъ всякую распушенность. Правда, у насъ до сихъ поръ полагаютъ иногда, что страсть и распушенность родныя сестры, но пора же и намъ цивилизоваться.

По части литературныхъ приличій мы цивилизовались, повидимому ужъ очень значительно, такъ значительно, что нашъ «передовой» человекъ г. Михайловскій, читаетъ нотации нѣмцамъ (Марксу, Энгельсу, Дюрингу), у которыхъ въ полемикѣ можно найти вещи «или совершенно безплодныя или даже извращающія предметъ и отталкивающія своей грубостью». Г. Михайловскій напоминаетъ замѣчаніе Берне, что нѣмцы всегда «были грубы въ полемикѣ». «И я боюсь, прибавляетъ онъ, что вмѣстѣ съ другими нѣмецкими вліяніями, къ намъ проникнетъ эта традиціонная нѣмецкая грубость, осоловившись еще собственной дикостью, и полемика пре-

вратится въ реплику, влагаемую гр. Толстымъ въ уста царевнѣ по адресу Потока-богатыря:

Шаромыжникъ, болванъ, неученый холопъ!
 Чтобъ тебя въ турій рогъ искривило!
 Поросенокъ, теленокъ, свинья, эфіопъ,
 Чортовъ свинь, неумытое рыло!
 Кабы только не этотъ мой дѣвичій стыдъ,
 Что много словечва сказать не велить,
 Я тебя, прощальгу, нахала
 И не такъ бы еще обругала! ¹⁾.

Г. Михайловскій не въ первый разъ вспомилъ здѣсь о неприличной толстовской царевнѣ. Опъ не разъ уже совѣтовалъ русскимъ писателямъ не уподобляться ей въ своей полемикѣ. Совѣтъ, нечего и говорить, прекрасный. Жаль только, что нашъ авторъ самъ не всегда слѣдовалъ ему. Такъ, одного изъ своихъ противниковъ онъ назвалъ, какъ извѣстно, *клопомъ*, другого—*литературнымъ акробатомъ*. Свою полемику съ г. Е. дела-Серда онъ украсилъ такимъ замѣчаніемъ: «Слово *la cerda* изъ всѣхъ евронеискихъ языковъ имѣетъ опредѣленное значеніе только въ испанскомъ и значитъ по-русски свинья. Зачѣмъ оно понадобилось автору—понять довольно трудно.

— «Исправда ли хорошо?» спрашивалъ по этому поводу г. дела-Серда. Дѣйствительно, очень хорошо, и совершенно во вкусъ толстовской царевны. Только царевна была прямодушнѣе, и когда ей хотѣлось выругаться, она такъ и кричала: поросенокъ, теленокъ, свинья и т. д., не прибѣгая къ насилію иностранныхъ языковъ съ цѣлью сказать противнику грубое слово.

При сравненіи г. Михайловскаго съ толстовской царевной оказывается, что онъ, пренебрегая «эфіопами», «чертовыми дѣтьми» и т. п., налегаетъ, если можно такъ выразиться, на толстокожіе эпитеты. У него вы встрѣтите и «свиной» и «поросеять» и притомъ поросеять самыхъ различныхъ: гамлетизированныхъ, зеленыхъ и т. д. Это нѣсколько монотонно, но очень сильно. Вообще, если отъ ругательнаго лексикона толстовской царевны мы обратимся съ такому же лексикону нашего субъективнаго соціолога, то передъ нами, конечно, *иной картины красы живыя расцвѣтутъ*, но эти красы по своей силѣ и выразительности ни мало не уступятъ полемическимъ красотамъ бойкой царевны.

«Est modus in rebus, или, по русски сказать, надо же и честь знать», говоритъ г. Михайловскій. Это какъ нельзя болѣе справедливо, и мы отъ души жалѣемъ, что нашъ маститый соціологъ часто забываетъ объ этомъ. Онъ можетъ трагически воскликнуть о себѣ:

¹⁾ „Русское Богатство“ 1-я книжка 1895, ст. „Литература и Жизнь“.

Video meliora, proboque,
Deteriora sequor!

Надо надѣяться, однако, что современемъ цивилизуется и г. Михайловскій, что хорошія намѣренія возьмутъ у него, наконецъ, верхъ надъ «собственною нашею дикостью», и онъ перестанетъ кидать въ своихъ противниковъ «свиньями» и «поросятами». Самъ г. Михайловскій справедливо думаетъ что *la raison finit toujours par avoir raison*.

Читающая публика неодобряетъ теперь у насъ рѣзкой полемики. Но въ своемъ неодобреніи она смѣшиваетъ рѣзкость съ грубостью, между тѣмъ какъ это далеко не одно и тоже. Уже Пушкинъ выяснилъ огромную разницу между рѣзкостью и грубостью.

Иная брань, конечно, неприличность.
Нельзя писать: *щажой-то де старикъ,*
Козель въ очкахъ, плогоавый клеветникъ,
И золь, и подль—все это будетъ личность;
Но можете печатать, напимѣрь,
Что, «господинъ парнасскій старовѣрь
(Въ своихъ статьяхъ) безмыслицы ораторъ,
Отмѣнно вяль, отмѣнно скучновать,
Тяжеловатъ и даже глуповатъ».
Тутъ не лицо, а просто литераторъ.

Если вы вздумаете, подобно толстовской царевнѣ или г. Михайловскому, обозвать своего противника «свиньей» или «клопомъ», то это *«будетъ личность»*; а если вы станете доказывать, что такой-то социологическій или исторіософическій или экономическій старовѣрь, въ своихъ статьяхъ, «трудахъ» или «очеркахъ» отмѣнно вяль, отмѣнно скучновать, тяжеловатъ и даже . . . не уменъ, то «тутъ не лицо, а просто литераторъ»; тутъ будетъ рѣзкость, а не грубость. Вы можете, конечно, ошибиться въ своемъ приговорѣ, и ваши противники хорошо сдѣлаютъ, если обнаружатъ вашу ошибку. Но обвинять васъ они будутъ имѣть право только въ ошибкѣ, а вовсе не въ рѣзкости, потому что безъ такихъ рѣзкостей не можетъ обойтись развитіе литературы. Если бы литература вздумала обходиться безъ нихъ, то она немедленно превратилась бы, по выраженію Бѣлинскаго, въ *мстивую повторяльщицу избитыхъ обшихъ мстѣй*, чего ей могутъ пожелать только ея недруги.

Разсужденіе г. Михайловскаго о традиціонной нѣмецкой грубости и о нашей собственной дикости вызвано было «интересной книгой» г. Н. Бельтова: «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію». Г. Бельтова многіе обвиняли въ излишней рѣзкости. Такъ, напимѣрь, по поводу его книги рецензентъ «Русской Мысли» говорилъ: «Не раздѣляя

односторонней, по нашему мнѣнію, теоріи экономическаго матеріализма, мы готовы были бы въ интересахъ и науки, и нашей общественной жизни привѣтствовать представителей этой теоріи, еслибы нѣкоторые изъ нихъ (гг. Струве и Бельтовъ) не вносили въ свою полемику черезъ чуръ большихъ рѣзкостей, если бы они не издѣвались надъ писателями, труды которыхъ заслуживаютъ уваженія».

Это написано въ той самой «Русской Мысли», которая еще недавно называла сторонниковъ экономическаго матеріализма «фаршированными головами» и которая объявила книгу г. П. Струве продуктомъ непереваренной эрудиціи и полной неспособности къ логическому мышленію. «Русская Мысль» не любитъ черезъ чуръ большихъ рѣзкостей и потому, какъ видитъ читатель, она отзывалась о сторонникахъ экономическаго матеріализма съ большой мягкостью. Теперь она уже готова, въ интересахъ науки и нашей общественной жизни, привѣтствовать представителей этой теоріи. Зачѣмъ же привѣтствовать ихъ? Много ли сдѣлаютъ для общественной жизни фаршированныя головы? Много ли выиграетъ наука отъ непереваренной эрудиціи и полной неспособности къ логическому мышленію? Намъ думается, что боязнь черезъ чуръ большихъ рѣзкостей заводить «Русскую Мысль» слишкомъ далеко и заставляетъ ее говорить вещи, благодаря которымъ читатели могутъ заподозрить ее самое въ неумѣнн переварить кое что и въ нѣкоторой неспособности къ логическому мышленію.

У г. П. Струве совѣмъ нѣтъ никакихъ рѣзкостей, (мы уже не говоримъ о черезъ-чуръ большихъ), а у г. Бельтова, если и есть рѣзкости, то лишь такія, о которыхъ навѣрное Пушкинъ сказалъ бы, что онѣ затрагиваютъ только литераторовъ, и что поэтому къ нимъ прибѣгать вполне позволительно. Рецензентъ «Русской Мысли» полагаетъ, что труды тѣхъ писателей, надъ которыми смѣется г. Бельтовъ, заслуживаютъ уваженія. Если бы г. Бельтовъ раздѣлялъ такое мнѣніе, то, съ его стороны, конечно, нехорошо было бы смѣяться надъ ними. Ну, а что если онъ убѣжденъ въ противномъ? Что если «труды» этихъ господъ кажутся ему и скучноватыми, и тяжеловатыми, и совершенно безсодержательными, и даже очень вредными въ настоящее время, когда усложнившаяся общественная жизнь требуетъ новыхъ усилій мысли отъ всѣхъ тѣхъ, кто не смотритъ на міръ, по выраженію Гоголя, «ковыряя въ носу». Рецензенту «Русской Мысли» эти писатели кажутся, можетъ быть, настоящими свѣточами, спасительными маяками. Ну, а что, если г. Бельтовъ считаетъ ихъ гасильниками и усыпителями? Рецензентъ скажетъ, что г. Бельтовъ ошибается. Это его право, но это свое мнѣніе рецензентъ долженъ доказать, а не довольствоваться простымъ осужденіемъ «черезъ-чуръ большой рѣзкости».

Какого мнѣнія рецензентъ о Гречѣ и Булгаринѣ? Мы увѣрены, что еслибъ онъ высказалъ его, то извѣстная часть нашей печати нашла бы его черезъ-чуръ рѣзкимъ. Значило ли бы это, что г. рецензентъ «Русской Мысли» не имѣетъ права откровенно высказать свой взглядъ на литературную дѣятельность Греча и Булгарина? Мы не ставимъ, конечно, на одну доску съ Гречемъ и Булгаринимъ людей, съ которыми спорять гг. П. Струве и Н. Бельтовъ. Но мы спрашиваемъ рецензента «Русской Мысли», почему литературныя приличія позволяютъ высказать рѣзкое мнѣніе о Гречѣ и Булгаринѣ, но запрещаютъ поступить такъ по отношенію къ гг. Михайловскому и Карѣеву? Г. рецензентъ думаетъ, какъ видно, что сильнѣе кошки звѣря нѣтъ и что, поэтому, кошка заслуживаетъ, не въ примѣръ прочимъ звѣрямъ, особенно почтительнаго обращенія. Но вѣдь въ этомъ позволительно усомниться. Мы вотъ, на примѣръ, думаемъ, что субъективная кошка—звѣрь не только не очень сильный, но даже весьма значительно выродившійся, а потому никакого особаго почтенія и не заслуживающій. Мы готовы спорить съ рецензентомъ, если онъ не согласенъ съ нами, но прежде, чѣмъ вступить съ нимъ въ споръ, мы попросимъ его хорошенько выяснитъ себѣ ту разницу, которая несомнѣнно существуетъ между *рѣзкостью сужденія* и *грубостью выраженія*. Гг. Струве и Бельтовъ высказали сужденія, которыя очень многимъ могли показаться рѣзкими. Но позволилъ ли себѣ хоть одинъ изъ нихъ прибѣгнуть, для защиты своихъ мнѣній, къ той грубой брани, къ какой прибѣгалъ не разъ въ своихъ литературныхъ стычкахъ г. Михайловскій, этотъ настоящій *Miles gloriosus* нашей «передовой» литературы? Ни одинъ изъ нихъ себѣ этого не позволилъ, и рецензентъ «Русской Мысли» самъ отдалъ имъ эту справедливость, если вдумается въ указанную нами разницу между рѣзкостью сужденія и грубостью выраженія.

Кстати, о рецензентѣ «Русской Мысли». Онъ говоритъ: «Г. Бельтовъ, по меньшей мѣрѣ, безъ церемоніи расточаетъ обвиненія въ томъ, что такой-то писатель говоритъ о Марксѣ не прочитавши его сочиненій, осуждаетъ гегелевскую философію, не познакомившись съ нею самостоятельно, и т. п. Не мѣшаетъ, конечно, при этомъ не дѣлать самому промаховъ, въ особенности по самымъ существеннымъ вопросамъ. А г. Бельтовъ именно о Гегелѣ говоритъ совершенный вздоръ: «Если современное естествознаніе, читаемъ мы на стр. 86 названной книги,—на каждомъ шагу подтверждаетъ гениальную мысль Гегеля о переходѣ количества въ качество, то можно ли сказать, что оно не имѣетъ ничего общаго съ гегелианствомъ». Но бѣда въ томъ, г. Бельтовъ, что Гегель этого не утверждалъ, а доказывалъ противоположное: у него качество переходитъ въ количество».—Если бы намъ пришлось характеризовать это представленіе г. рецензента о философіи Гегеля, то

наше сужденіе, навѣрное, показалось бы ему «черезчуръ рѣзкимъ». Но вина была бы не наша. Мы можемъ увѣрить г. рецензента, что объ его философскихъ свѣдѣніяхъ произнесли очень рѣзкія сужденія всѣ тѣ, которые прочитали его рецензію и которые хоть немного знакомы съ исторіей философіи.

Нельзя, конечно, требовать отъ всякаго журналиста серьезнаго философскаго образованія, но можно требовать отъ него, чтобъ онъ не позволялъ себѣ судить о вещахъ ему неизвѣстныхъ. Въ противномъ случаѣ, о немъ всегда будутъ отзываться очень «рѣзко», люди, знающіе дѣло.

Въ первой части *Энциклопедіи* Гегеля, въ прибавленіи къ параграфу 108 сказано: «Въ мѣрѣ, качество и количество еще различаются и не совершенно тождественны. Вслѣдствіе того, оба эти опредѣленія до нѣкоторой степени независимы одно отъ другого, такъ что, съ одной стороны, количество можетъ измѣняться, безъ измѣненія качества предмета, но, съ другой стороны, его увеличеніе и уменьшеніе, къ которому предметъ первоначально равнодушенъ, имѣетъ границу, и при переступленіи этой границы качество измѣняется. Такъ, напримѣръ, различная температура воды сначала не оказываетъ вліянія на ея капельно-жидкое состояніе, но при дальнѣйшемъ увеличеніи или уменьшеніи ея температуры, наступаетъ точка, когда это состояніе сдѣлается качественно и вода превращается въ паръ или въ ледъ. Сначала кажется, будто измѣненіе количества не оказываетъ никакого вліянія на существенную природу предмета, но за нимъ скрывается что-то другое и это повидимому безхитрое измѣненіе количества, неизмѣнно для самаго предмета измѣняетъ его качество»¹⁾.

«Бѣда въ томъ, г. Бельтовъ, что Гегель этого не утверждалъ, а доказывалъ противоположное»!.. Вы и теперь думаете, что бѣда именно въ этомъ г. рецензентъ? ²⁾ Или, можетъ быть, вы теперь измѣнили свое мнѣніе по этому предмету? А если измѣнили, то въ чемъ же бѣда въ настоящее время? Мы сказали бы вамъ въ чемъ, да боимся, что вы обвините насъ въ излишней рѣзкости.

Повторяемъ, отъ каждаго журналиста нельзя требовать знанія исторіи философіи. Поэтому, бѣда, въ которую попалъ г. рецензентъ «Русской Мысли», не столь уже велика, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. «*Но бѣда въ томъ*», что эта бѣда г. рецензента не послѣдняя.

¹⁾ Цитируемъ по русскому переводу г. В. Чицова, (стр. 191—192).

²⁾ Въ третьей книжкѣ «Русской Мысли» г. рецензентъ, продолжаетъ отстаивать свое мнѣніе, при чемъ совѣтуетъ не согласно мыслящимъ взглянуть «хоть» въ русскій переводъ *Исторіи новой философіи* Ибервега-Гейнца. Почему бы г. рецензенту не заглянуть «хоть» въ самого Гегеля?

Вторая бѣда его горше первой: онъ не далъ себѣ труда прочитать ту книгу, о которой писалъ свой отзывъ. На стр. 75—76 своей книги г. Бельтовъ дѣлаетъ довольно длинную выписку изъ большой Логики Гегеля (*Wissenschaft der Logik*). Вотъ начало этой выписки: «Измѣненія бытія состоятъ не только въ томъ что одно количество переходитъ въ другое количество, но также и въ томъ, что качество переходитъ въ количество и на оборотъ», и т. д. (стр. 75).

Если бы г. рецензентъ прочиталъ хоть эту выписку,—онъ не попалъ бы въ бѣду, ибо тогда онъ не «утверждалъ» бы, что «Гегель этого не утверждалъ, а доказывалъ противоположное».

Мы знаемъ, какъ пишется въ русской, да, къ сожалѣнію, и не только въ русской,—литературѣ большинство рецензій. Рецензентъ перелистываетъ книгу, быстро пробѣгая въ ней, положимъ, каждую десятую, двадцатую страницу, и отмѣчая мѣста, какъ ему кажется, наиболѣе характерныя. Затѣмъ онъ выписываетъ эти мѣста, сопровождая ихъ выраженіемъ своего порицанія или одобренія: онъ недоумѣваетъ», очень сожалѣетъ» или «отъ души привѣтствуетъ»,—и дѣло кончено, рецензія готова. Можно представить себѣ, сколько вздору печатается такимъ образомъ, особенно если (какъ это не рѣдко случается) рецензентъ не имѣетъ никакого понятія о томъ предметѣ, о которомъ говорится въ разбираемой имъ книгѣ!

Намъ и въ голову не приходитъ совѣтовать гг. рецензентамъ *совѣсть* отдѣлаться отъ этой дурной привычки: горбатаго исправить могила. Но, всетаки, имъ слѣдовало-бъ хоть не много серьезнѣе относиться къ своему дѣлу тамъ, гдѣ,—какъ, напр., въ спорѣ объ экономическомъ развитіи Россіи,—рѣчь идетъ о важнѣйшихъ интересахъ нашей родины. Неужели они и тутъ будутъ продолжать съ легкимъ сердцемъ сбивать съ толку читающую публику своими легкомысленными отзывами? Надо же и честь знать, какъ справедливо замѣчаетъ г. Михайловскій.

Г, Михайловскому тоже не нравятся полемическіе приемы г. Бельтова: «Г. Бельтовъ человѣкъ талантливый, говоритъ онъ, и не лишенный остроумія, но оно къ сожалѣнію, часто переходитъ у него въ непріятное шутовство». Почему же въ шутовство? И кому собственно непріятно это мнимое шутовство г. Бельтова? Когда въ шестидесятыхъ годахъ «Современникъ» осмѣивалъ, положимъ, Погодина, то Погодину, навѣрное, казалось, что этотъ журналъ вдался въ непріятное шутовство. Да и не одному Погодину казалось это, а всѣмъ, кто привыкъ почитать московскаго историка. Мало ли нападали у насъ тогда на «рыцарей свистопляски»? Мало ли возмущались «мальчишескими выходками свистуновъ»? А вотъ, по нашему мнѣнію, блестящее остроуміе «свисту-

новъ никогда въ непріятное шутовство не переходило; если люди, осмѣянные ими, думали иначе, то лишь по той человѣческой слабости, въ силу которой Аммосъ Федоровичъ Ляпкинъ-Тяпкинъ находилъ, что «слишкомъ длинно» было то письмо, гдѣ его называли въ «сильнѣйшей степени моветономъ».

— Ахъ, такъ вотъ оно что! Такъ вы хотите сказать, что г. Бельтовъ обладаетъ остроуміемъ Добролюбова и его сотрудниковъ по «Свистку»? Это мило!—восклицаютъ люди, которымъ «несимпатичны» полемическіе приемы г. Бельтова.

Погодите, господа. Мы не сравниваемъ г. Бельтова со «свистунами» шестидесятыхъ годовъ; мы говоримъ только, что не г. Михайловскому судить о томъ, переходить ли и гдѣ именно переходить въ непріятное шутовство остроуміе г. Бельтова. Кто же можетъ быть судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ?

Но г. Михайловскій упрекаетъ г. Бельтова не только въ «непріятномъ шутовствѣ». Онъ возводитъ на него очень серьезное обвиненіе. Чтобы читатель могъ легче разобрать въ чемъ дѣло, мы представимъ г. Михайловскому изложить это обвиненіе своими собственными словами.

«Въ одной изъ своихъ статей въ «Русской Мысли», я вспоминалъ о своемъ знакомствѣ съ покойнымъ Н. П. Зиберомъ и сообщилъ, между прочимъ, что этотъ почтенный ученый въ разговорахъ о судьбахъ капитализма въ Россіи «употреблялъ всевозможные аргументы, но при малѣйшей опасности укрывался подъ сѣнь непреложнаго и непререкаемаго трехчленнаго діалектическаго развитія». Приведа эти мои слова, г. Бельтовъ пишетъ: «Намъ пришлось не разъ бесѣдовать съ покойнымъ и не разъ не слышали мы отъ него ссылокъ на діалектическое развитіе». Онъ не разъ самъ говорилъ, что ему совершенно неизвѣстно значеніе Гегеля въ развитіи новѣйшей экономіи. Конечно, на мертвыхъ все валить можно, и показаніе г. Михайловскаго не опровержимо!»... Я скажу иначе: на мертвыхъ не всегда все валить можно и показаніе г. Бельтова вполне опровержимо...

«Въ 1879 г. въ журналѣ «Слово» была напечатана статья Зибера, озаглавленная «Діалектика въ ея примѣненіи къ наукѣ». Статья эта (не оконченная) представляетъ собой пересказъ, даже почти сплошной переводъ книги Энгельса «Herrn Dührings Umwälzung der Wissenschaft». Ну, а переведа эту книгу, остаться въ «совершенной неизвѣстности о значеніи Гегеля въ развитіи новѣйшей экономіи»,—довольно таки мудро не только для Зибера, а даже и для Потока-богатыря въ вышеприведенной полемической характеристикѣ царевны. Это, я думаю, для самого г. Бельтова понятно. Но на всякій случай приведу все таки нѣсколько строкъ изъ ма-

ленькаго придисловія Зибера: «Книга Энгельса заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ въ виду послѣдовательности и цѣльности приводимыхъ въ ней философскихъ и общественно-экономическихъ понятій, такъ и потому, что для объясненія практическаго приложенія метода діалектическихъ противорѣчій она даетъ рядъ новыхъ иллюстрацій и фактическихъ примѣровъ, которые не мало способствуютъ ближайшему ознакомленію съ этимъ столь сильно прославляемыми и въ тоже время столь сильно унижаемымъ способомъ изслѣдованія истины. Можно сказать, повидимому, что въ первый еще разъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ такъ называемая діалектика, она является глазамъ читателя въ такомъ реальномъ освѣщеніи».

«Итакъ: Зиберу было извѣстно значеніе Гегеля въ развитіи новѣйшей экономіи; Зиберъ былъ очень заинтересованъ «методомъ діалектическихъ противорѣчій». Такова истина, документально засвидѣтельствованная и вполне разрѣшающая пикантный вопросъ о томъ кто лжетъ за двухъ»¹⁾.

Истина, особенно истина документально засвидѣтельствованная, прекрасное дѣло! Въ интересамъ той же истины мы нѣсколько продолжимъ выписку, сдѣланную г. Михайловскимъ изъ статьи Н. Зибера: «Діалектика въ ея примѣненіи къ наукѣ».

Какъ разъ за тѣми словами, которыми заканчивается эта выноска у г. Михайловскаго, у Зибера слѣдуетъ такое замѣчаніе: «Впрочемъ, мы, съ своей стороны, воздержимся отъ сужденія о точности этого метода въ примѣненіи къ различнымъ областямъ знанія, а также и о томъ, представляетъ ли онъ собою или не представляетъ,—на сколько ему можетъ быть придаваемо дѣйствительное значеніе,—простое видоизмѣненіе или даже прототипъ метода теоріи эволюціи или всеобщаго развитія. Именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ разсматриваетъ его авторъ или, по меньшей мѣрѣ, старается указать на подтвержденіе его при помощи тѣхъ истинъ, которыя достигнуты эволюціонною теоріею, и нельзя не сознаться, что въ нѣкоторомъ отношеніи, здѣсь открывается значительное сходство».

Какъ видимъ, покойный русскій экономистъ, даже и переведя книгу Энгельса «*Heinr Dührings Umwälzung der Wissenschaft*», всетаки остался въ неизвѣстности на счетъ Гегеля въ развитіи новѣйшей экономіи и даже вообще на счетъ годности діалектики въ примѣненіи къ различнымъ областямъ знанія. По крайней мѣрѣ, онъ не хотѣлъ судить о ней. Вотъ мы и спрашиваемъ: вѣроятно ли, чтобъ тотъ самый Зиберъ, который вообще совсѣмъ не рѣшался судить о годности діалектики, въ спорахъ съ г. Михайловскимъ «при малѣйшей опасности укрывался подъ сѣнь непреложнаго и непререкаемаго діалектическаго развитія»? Почему же это именно

*) „Р. Бог.“. 1895 г. Январь. Отд. II, стр. 140 и 141.

только въ этихъ случаяхъ Зиберъ измѣнялъ свой, обыкновенно перѣшителный взглядъ на діалектику? Ужъ не потому ли, что слишкомъ велика была для него «опасность» быть разбитымъ его страшнымъ противникомъ? Врядъ-ли поэтому! Кому-кому другому, а Зиберу, обладавшему очень серьезными знаніями, такой противникъ едва ли былъ «опасенъ».

Въ самомъ дѣлѣ, прекрасная эта вещь истина, документально засвидѣтельствованная! Г. Михайловскій совершенно правъ говоря, что она вполне разрѣшетъ пикантный вопросъ, кто лжетъ за двухъ!

Но, если воплотившійся въ лицѣ кое-кого русскій духъ несомнѣнно прибѣгаетъ къ искаженію истины, то онъ не довольствуется однократнымъ искаженіемъ ея за двухъ; онъ за одного покойника Зибера искажаетъ ее *дважды*: одинъ разъ, когда увѣряетъ, что Зиберъ прятался подъ сѣнь триады, а другой,—когда съ удивительной развязностью ссылается на то самое вступленіе, которое какъ нельзя болѣе ясно показываетъ, что правъ г. Бельтовъ.

Эхъ, г. Михайловскій, г. Михайловскій!

Мудрено остаться къ неизвѣстности на счетъ значенія Гегеля въ развитіи экономіи, переведа книгу Энгельса «Duhning's Umwälzung» восклицаетъ г. Михайловскій. Будто бы такъ мудрено? По нашему, вовсе нѣтъ. Переведа названную книгу, Зиберу дѣйствительно мудрено было бы остаться въ неизвѣстности на счетъ *мнѣнія Энгельса* (и, разумѣется, Маркса) *о значеніи Гегеля въ развитіи названной науки*. Это мнѣніе Зиберу было извѣстно, какъ это разумѣется само собой и какъ это слѣдуетъ изъ его предисловія. Но Зиберъ могъ не довольствоваться чужимъ мнѣніемъ. Какъ серьезный ученый, не полагающійся на чужія мнѣнія, а привыкшій изучать предметъ по первымъ источникамъ, онъ, знавшій мнѣніе Энгельса о Гегелѣ, еще не считалъ себя вправѣ сказать: «я знаю Гегеля и его роль въ исторіи развитія научныхъ понятій». Г. Михайловскому, можетъ быть непонятна такая скромность ученаго; онъ, по его собственнымъ словамъ, «не имѣетъ претензій» знать философію Гегеля, а между тѣмъ, онъ очень развязно разсуждаетъ о ней. Но quod licet bovi, non licet Iovi. Г. Михайловскій, бывшій всю жизнь ни чѣмъ инымъ, какъ бойкимъ фельетонистомъ, обладаетъ развязностью, присвоенною по штату людямъ этого званія. Но онъ позабылъ, какая разница существуетъ между нимъ и людьми науки. Благодаря этому забвенію онъ и рѣшился говорить вещи, изъ которыхъ ясно слѣдуетъ, что извѣстный духъ «непремѣнно лжетъ за двухъ».

Эхъ г. Михайловскій, г. Михайловскій!

Да и за двухъ ли только искажаетъ этотъ почтенный «духъ» истину? Читатель помнитъ, можетъ быть, исторію «пропущеннаго» г. Михайловскимъ «момента цвѣтенія». Пропускъ «этого цвѣтенія» имѣетъ «важное значеніе»:

онъ показываетъ, что истина искажена также и за Энгельса. Почему г. Михайловскій не единымъ словомъ не обмолвился объ этой поучительной исторіи?

Эхъ г. Михайловскій, г. Михайловскій!

А знаете ли что? Вѣдь, можетъ быть, «русскій духъ» и не искажаетъ истины; можетъ быть онъ, бѣдный, говорить чистѣйшую правду. Вѣдь, чтобы оставить вѣѣ всякаго подозрѣнія его правдивость, стоитъ только предположить, что Зиберъ просто подшутилъ надъ молодымъ писателемъ, пугнувъ его «*тріадой*». Оно и похоже на правду: г. Михайловскій увѣряетъ, что Зиберъ былъ знакомъ съ діалектическимъ методомъ; какъ человѣкъ знакомый съ этимъ методомъ, Зиберъ долженъ былъ прекрасно понимать, что пресловутая тріада никогда роли довода у Гегеля не играла. Наоборотъ, г. Михайловскій, какъ человѣкъ незнакомый съ Гегелемъ, могъ высказать въ разговорѣ съ Зиберомъ ту, впоследствии не разъ высказанную имъ, мысль, что вся аргументація Гегеля и гегельянцовъ сводилась къ ссылкамъ на тріаду. Зиберу это должно было показаться чрезвычайно забавнымъ, и вотъ онъ сталъ поддразнивать тріадою горячаго, но несвѣдущаго молодаго человѣка. Разумѣется, если бы Зиберъ предвидѣлъ, въ какое печальное положеніе попадетъ со временемъ его собесѣдникъ, благодаря его шуткѣ, то онъ непремѣнно воздержался бы отъ нея. Но этого онъ предвидѣть не могъ, а потому и позволилъ себѣ подшутить надъ г. Михайловскимъ. Правдивость этого послѣдняго не подлежитъ сомнѣнія, если справедливо это наше предположеніе. Пусть г. Михайловскій пороется въ своей памяти, можетъ быть онъ припомнитъ какое нибудь обстоятельство, показывающее, что наше предположеніе не совсѣмъ неосновательно. Съ своей стороны, мы всей душой рады были бы услышать о такомъ обстоятельстве, спасающемъ честь «русскаго духа». Порадуется конечно, и г. Бельтовъ.

Г. Михайловскій большой забавникъ! Онъ очень недоволенъ г. Бельтовымъ, который позволилъ себѣ сказать, что въ «новыхъ словахъ» нашего субъективнаго соціолога «русскій умъ и русскій духъ зады твердить и лжеть за двухъ». Г. Михайловскій полагаетъ, что, если г. Бельтовъ и не отвѣтственъ за содержаніе цитаты, то его все таки можно было бы, пожалуй, признать отвѣтственнымъ за ея выборъ. Только грубость нашихъ полемическихъ нравовъ вынуждаетъ нашего почтеннаго соціолога сознаться, что подобный упрекъ г. Бельтову былъ бы излишней тонкостью. Но откуда взять эту «цитату» г. Бельтовъ? Онъ взялъ ее у Пушкина. Евгеній Онѣгинъ былъ того мнѣнія, что во всей нашей журналистикѣ русскій умъ и русскій духъ зады твердить и лжеть за двухъ. Можно ли признать Пушкина отвѣтственнымъ за столь рѣзкое мнѣніе его героя? До сихъ поръ, насколько мы знаемъ, никто не думалъ что—да, хотя весьма вѣроятно, что Онѣгинъ выражалъ собственное мнѣніе великаго поэта. А вотъ теперь

г. Михайловскій хотѣлъ бы сдѣлать г. Бельтова отвѣтственнымъ за то, что тотъ не находитъ въ сочиненіяхъ его, г. Михайловскаго, ничего кромѣ повторенія задовъ и лжи за двухъ. Почему же это такъ? почему нельзя примѣнить эту «цитату» къ «трудамъ» нашего соціолога? Вѣроятно, потому, что эти труды въ глазахъ этого соціолога заслуживаютъ гораздо болѣе почтительнаго отношенія. Но вѣдь «объ этомъ можно спорить», скажемъ мы словами г. Михайловскаго.

«Собственно въ этомъ мѣстѣ ни въ какой лжи г. Бельтовъ меня не уличаетъ—говорить г. Михайловскій,—онъ просто такъ, сболтнулъ, чтобы горячѣе вышло, и цитатой, какъ фиговымъ листкомъ, стыдливо прикрылся» (стр. 140). Почему же сболтнулъ, а не высказалъ свое твердое убѣжденіе? Каковъ смыслъ предложенія: г. Михайловскій въ своихъ статьяхъ зады твердить и лжетъ за двухъ? Оно значитъ, что г. Михайловскій высказываетъ лишь старья, давно опровергнутыя на западѣ мнѣнія и, высказывая ихъ, *къ ошибкамъ западныхъ людей прибавляетъ свои собственныя, доморощенныя*. Неужели, выражая подобный взглядъ на литературную дѣятельность г. Михайловскаго, непременно надо прикрываться фиговымъ листкомъ. Г. Михайловскій убѣжденъ, что можно только «сболтнуть» подобное мнѣніе; что оно не можетъ быть плодомъ серьезной и вдумчивой оцѣнки. Но объ этомъ можно спорить, скажемъ мы еще разъ его собственными словами.

Пишущій эти строки совершенно хладнокровно и обдуманно, не видя нужды ни въ какихъ фиговыхъ листьяхъ заявляетъ, что по его убѣжденію очень *невысокое мнѣніе о «работахъ» г. Михайловскаго есть начало всякой премудрости*.

Но если, говоря о «русскомъ духѣ», г. Бельтовъ ни въ какой лжи г. Михайловскаго не уличаетъ, то зачѣмъ же нашъ «соціологъ» придрался именно къ «цитатѣ», начиная несчастный инцидентъ съ Зиберомъ? Вѣроятно затѣмъ, чтобы горячѣе вышло. Въ дѣйствительности, ничего горячаго подобнаго рода приемы въ себѣ не заключаютъ, но есть люди, которымъ они кажутся очень горячими. Въ одномъ изъ очерковъ Г. И. Успенскаго чиновница ссорится съ дворникомъ. Дворникъ произноситъ слово: *подль*. — Какъ! я подлая, — кричитъ чиновница, — я тебѣ покажу, у меня сынъ въ Польшѣ служить, и т. д. Подобно чиновницѣ, г. Михайловскій, ухватившись за отдѣльное слово, поднимаетъ «горячій» крикъ: «я лгу за двухъ, вы смѣли усомниться въ моей правдивости, да я васъ самого сейчасъ уличу во лжи за многихъ! Посмотрите, что вы наговорили о Зиберѣ!» Мы смотримъ, что сказалъ о Зиберѣ г. Бельтовъ, и видимъ, что сказалъ онъ истинную правду. Die moral von der Geschichte—та, что излишняя горячность ни чиновницѣ, ни г. Михайловскаго ни къ чему доброму привести не можетъ.

«Г. Бельтовъ предпринялъ показать, что окончательное торжество матеріалистическаго монизма установлено такъ называемой теоріей экономическаго матеріализма въ исторіи, каковая теорія находится, дескать, въ тѣснѣйшей связи съ «общефилософскимъ» матеріализмомъ». Съ этою цѣлью г. Бельтовъ дѣлаетъ экскурсію въ исторіи философіи. О степени беспорядочности и неполноты этой экскурсіи можно судить уже по названіямъ главъ ей посвященныхъ: «Французскій матеріализмъ XVIII вѣка», французскіе историки временъ реставраціи», «Утописты», Идеалистическая нѣмецкая философія», Современный матеріализмъ» (стр. 146). Г. Михайловскій опять горячится безъ всякой надобности, и опять его горячность ни къ чему доброму не приводитъ. Еслибъ г. Бельтовъ писалъ хотя бы краткій очеркъ *исторіи философіи*, то, дѣйствительно, беспорядочна и непонятна была бы та экскурсія, въ которой онъ отъ французскаго матеріализма XVIII вѣка переходитъ къ французскимъ историкамъ временъ реставраціи; отъ этихъ историковъ къ утопистамъ; отъ утопистовъ къ нѣмецкимъ идеалистамъ и т. д. Но въ томъ-то и дѣло, что г. Бельтовъ никакой исторіи философіи не писалъ. На первой же страницѣ своей книги, онъ заявилъ, что намѣренъ сдѣлать краткій очеркъ того ученія, которое неправильно называется экономическимъ матеріализмомъ. Онъ нашелъ нѣкоторые слабые зародыши этого ученія у французскихъ матеріалистовъ и показалъ, что эти зародыши въ значительной степени развились у французскихъ историковъ специалистовъ временъ реставраціи; затѣмъ онъ обратился къ людямъ, которые, не бывъ историками по своей спеціальности, все-таки должны были много думать о важнѣйшихъ вопросахъ историческаго развитія человѣчества, т. е. къ утопистамъ и нѣмецкимъ философамъ. Онъ далеко не перечислилъ всѣхъ матеріалистовъ XVIII вѣка, всѣхъ историковъ временъ реставраціи, всѣхъ утопистовъ и всѣхъ идеалистовъ-діалектиковъ этой послѣдней эпохи. Но онъ указалъ на самыхъ главныхъ изъ нихъ, на тѣхъ, которые болѣе другихъ сдѣлали по интересующему его предмету. Онъ показалъ, что всѣ эти люди, такъ богато одаренные и такъ много знавшіе, путались въ противорѣчійхъ, изъ которыхъ единственнымъ логическимъ выводомъ являлась историческая теорія Маркса. Словомъ, *il prenait son bien où il le trouvait*. Что можно возразить противъ такого приѣма? И почему онъ не нравится г. Михайловскому?

Если г. Михайловскій не только *прочиталъ* соч. Энгельса «*Ludwig Feuerbach*» и «*Dühring's Umwälzung*», но и—что самое главное—*понялъ* ихъ, то онъ и самъ знаетъ, какое значеніе въ развитіи идей Маркса и Энгельса имѣли взгляды французскихъ матеріалистовъ прошлаго столѣтія, французскихъ историковъ временъ реставраціи, утопистовъ и идеалистовъ-діалектиковъ. Г. Бельтовъ отгѣнилъ это значеніе, сдѣлавъ

краткую характеристику наиболее существенныхъ въ этомъ случаѣ взглядовъ тѣхъ и другихъ, третьихъ и четвертыхъ. Г. Михайловскій презрительно пожимаетъ плечами по поводу этой характеристики, ему не нравится планъ г. Бельтова. Мы замѣтимъ на это, что всякій планъ хорошъ, если съ помощью его авторъ достигаетъ своей цѣли. А что цѣль г. Бельтова была достигнута, этого не отрицаютъ, насколько мы знаемъ, даже его противники.

Г. Михайловскій продолжаетъ:

«Г. Бельтовъ говоритъ и о французскихъ историкахъ, и о французскихъ «утопистахъ», оцѣнивая тѣхъ и другихъ въ мѣру ихъ пониманія или непониманія экономики, какъ фундамента общественнаго зданія. Станнымъ однако образомъ онъ со всѣмъ не упоминаетъ при этомъ о Луи-Бланъ, хотя одного предисловія въ *Histoire de dix ans* достаточно, чтобы предоставить ему почетное мѣсто въ ряду первоучителей такъ называемаго экономическаго матеріализма. Конечно, тутъ много такого, съ чѣмъ г. Бельтовъ согласиться не можетъ, но тутъ есть и борьба классовъ, и характеристика ихъ экономическими признаками, и экономика, какъ скрытая пружина политики, вообще многое, что *позже* вошло въ составъ доктрины, такъ горячо защищаемой г. Бельтовымъ. Я потому отмѣчаю этотъ пробѣлъ, что онъ, во-первыхъ, и самъ по себѣ удивителенъ и намекаетъ на какія-то побочныя цѣли, не имѣющія ничего общаго съ безпристрастіемъ» (стр. 150).

Г. Бельтовъ говорилъ о *предшественникахъ* Маркса, Луи-Бланъ же былъ скорѣе его *современникомъ*. Правда, *Histoire de dix ans* вышла въ то время, когда историческіе взгляды Маркса еще не окончательно сложились. Но сколько нибудь рѣшительнаго вліянія на ихъ судьбу эта книга не могла имѣть уже по той причинѣ, что точка зрѣнія Луи-Блана на внутреннія пружины общественнаго развитія не заключала въ себѣ рѣшительно ничего новаго, сравнительно со взглядами, напримѣръ, Огюстена Тьери или Гизо. Совершенно вѣрно, что «тутъ есть и борьба классовъ, и характеристика ихъ экономическими признаками, и экономика и т. д.». Но все это было уже и у Тьери, и у Гизо, и у Минье, какъ это неопровержимо показалъ г. Бельтовъ. Гизо, стоявшій на точкѣ зрѣнія борьбы классовъ, сочувствовалъ борьбѣ буржуазіи противъ аристократіи, но очень враждебно отнесся къ только что начинавшейся въ его время борьбѣ рабочаго класса съ буржуазіей. Луи-Бланъ *сочувствовалъ* этой борьбѣ¹⁾.

¹⁾ Да и то на свой особый ладъ, вслѣдствіе чего Луи-Бланъ и игралъ такую жалкую роль въ 1848 году. Между классовой борьбой, какъ ее понималъ «*позже*» Марксъ, и классовой борьбой по Луи-Блану лежитъ цѣлая пропасть. Человѣкъ

Въ этомъ онъ расходился съ Гизо. Но это разногласіе было совсѣмъ не существенно. Оно не вносило ничего новаго во *взглядъ* Луи-Блана на «экономіку, какъ скрытую пружину политики».

Луи-Бланъ, какъ и Гизо, сказалъ бы, что политическія конституціи коренятся въ социальномъ бытѣ народа, а социальный бытъ опредѣляется въ послѣднемъ счетѣ отношеніями собственности. Но чѣмъ обуславливаются отношенія собственности,—это было такъ же мало извѣстно Луи-Блану, какъ и Гизо. Вотъ почему Луи-Бланъ, какъ и Гизо, несмотря на свою «экономіку», вынужденъ былъ вернуться къ *идеализму*. Что, въ своихъ историко-философскихъ взглядахъ онъ былъ идеалистомъ, это извѣстно всякому, даже не бывавшему въ семинаріи ¹⁾.

Въ то время, когда появилась «*Histoire de dix ans*», очереднымъ вопросомъ общественной науки былъ «*позже*» разрѣшенный Марксомъ вопросъ о томъ, — *откуда же берутся отношенія собственности?* Луи-Бланъ ничего не сказалъ новаго на этотъ счетъ. Естественно предположить, что именно потому и не сказалъ ничего о Луи-Бланѣ г. Бельтовъ. Но г. Михайловскій предпочитаетъ инсинуировать на счетъ какихъ-то побочныхъ цѣлей. *Chacun a son goût!*

По мнѣнію г. Михайловскаго, экскурсія г. Бельтова въ область исторіи философіи «еще слабѣе, чѣмъ можно было думать, судя по этимъ (вышеперечисленнымъ) заглавіямъ». Почему же такъ? да вотъ почему. Г. Бельтовъ пишетъ, что «Гегель называлъ метафизической точку зрѣнія тѣхъ мыслителей,—безразлично, идеалистовъ или матеріалистовъ,—которые, не умѣя понять процессъ развитія явленій, поневолѣ представляютъ ихъ себѣ и другимъ, какъ застывшія, безсвязныя, неспособныя перейти одно въ другое. Этой точкѣ зрѣнія онъ противопоставилъ *діалектику*, которая изучаетъ явленія именно въ ихъ развитіи и, слѣдовательно, въ ихъ взаимной связи». По этому поводу г. Михайловскій ехидно замѣчаетъ: «Г. Бельтовъ считаетъ себя знатокомъ философіи Гегеля. Я радъ поучиться у него, какъ у всякаго свѣдущаго человѣка, и на первый разъ попросилъ бы г. Бельтова указать то мѣсто въ сочиненіяхъ Гегеля, откуда онъ взялъ это будто бы Гегелево опредѣленіе «метафизической точки зрѣнія». Осмѣливаюсь утверждать, что онъ мнѣ его указать не можетъ. Для Гегеля метафизика была ученіемъ о безусловной сущности вещей,

не замѣтившій этой пропасти, вполне подобенъ мудрецу, не замѣтившему слона въ звѣринцѣ.

¹⁾ Въ качествѣ идеалиста низшаго разбора (т. е. не діалектика), Луи-Бланъ имѣлъ, разумѣется, свою „формулу прогресса“, которая при всей своей теоретической ничемности, по крайней мѣрѣ не хуже «формулы прогресса» г. Михайловскаго.

лежащей за предѣлами опыта и наблюденія, о сокровенномъ субстратѣ явленій... Свое якобы Гегелево опредѣленіе г. Бельтовъ взялъ не у Гегеля, а у Энгельса (все въ той же полемической противъ Дюринга книгѣ), который совершенно произвольно отдѣлилъ метафизику отъ діалектики при знакомъ неподвижности или текучести» (стр. 147).

Не знаемъ, что отвѣтить на это г. Бельтовъ. Но, «на первый разъ», мы позволимъ себѣ, не дожидаясь его разъясненій, отвѣтить почтенному субъективисту.

Развертываемъ первую часть *энциклопедіи* Гегеля и тамъ, въ прибавленіи къ параграфу 31 (стр. 57 русс. пер. г. В. Чиждова) читаемъ: «Мышленіе этой метафизики не было свободно и истинно въ объективномъ смыслѣ. Потому что она не предоставляла предмету развиваться свободно изъ самого себя, и самому находить свои опредѣленія, а брало его какъ готовый»... «Эта метафизика есть догматизмъ, потому что, соотвѣтственно природѣ конечныхъ опредѣленій, она должна была принять, что изъ двухъ противоположныхъ утвержденій... одно необходимо истинно, а другое ложно» (пар. 32 стр. 58 того же перевода).

Гегель говоритъ здѣсь о старой до-кантовской метафизикѣ, которая, по его замѣчанію, «вырвана съ корнемъ, исчезла изъ ряда наукъ» (*ist, so zu sagen, mit Stumpf und Styl ausgerottet worden, aus der Reihe der Wissenschaften verschwunden* ¹⁾). Этой метафизикѣ Гегель противопоставилъ свою *діалектическую философію*, разсматривавшую всѣ явленія въ ихъ развитіи и въ ихъ взаимной связи, а не какъ готовые и отдѣленные одно отъ другого цѣлою пропастью: «Истинно только цѣлое, говоритъ онъ, цѣлое же обнаруживается во всей своей полнотѣ лишь посредствомъ своего развитія» («*Das wahre ist das Ganze. Das Ganze aber ist nur das durch seine Entwicklung sich vollendende Wesen*» ²⁾). Г. Михайловскій утверждаетъ, что Гегель слилъ съ діалектикой также и метафизику, но тотъ, отъ кого онъ слышалъ это, не хорошо объяснилъ ему, въ чемъ дѣло. У Гегеля къ *діалектическому моменту* прибавляется также и *спекулятивный*, благодаря которому его философія и становится *идеалистической философіей*. Какъ идеалистъ, Гегель дѣлалъ то же, что и всѣ другіе идеалисты: онъ придавалъ особенно важное философское значеніе такимъ «результатамъ» (такимъ понятіямъ), которыми очень дорожила также и старая «метафизика». Но самыя эти понятія (Абсолютное въ разныхъ видахъ его развитія) явились у него, благодаря «діалектическому моменту» именно какъ результаты, а не какъ первоначальныя данныя. Метафизика растворилась у

¹⁾ Wissenschaft der Logik. Vorrede стр. 1.

²⁾ Die Phänomenologie des Geistes, Vorrede, Seite XXIII.

Гегеля въ логикѣ и вотъ почему онъ очень удивился бы, услышавъ, что его, спекулятивнаго мыслителя называютъ метафизикомъ ohne Weiteres. Онъ сказалъ бы, что люди, называющіе его такъ, «lassen sich mit Thieren vergleichen, welche alle Töne einer Musik mit durchgehört haben, an deren Sinn aber das Eine, die Harmonie dieser Töne nicht gekommen ist». (Его собственное выраженіе, которымъ онъ клеймилъ ученыхъ педантовъ). Повторяемъ, этотъ спекулятивный мыслитель, презиравшій *метафизику разсудка* (опять его собственное выраженіе), былъ *идеалистомъ* и въ этомъ смыслѣ имѣлъ свою *метафизику разума*. Но развѣ г. Бельтовъ позабылъ это обстоятельство или не оговорилъ его въ своей книгѣ? И не позабылъ, оговорилъ. Онъ привелъ изъ книги Маркса и Энгельса die Heilige Familie длинныя выписки, очень ѣдко критикующія спекулятивные результаты Гегеля. Полагаемъ, что въ этихъ выпискахъ достаточно обнаружена правомѣрность слиянія діалектики съ тѣмъ, что г. Михайловскій называетъ метафизикой Гегеля. Слѣдовательно, если г. Бельтовъ и позабылъ что нибудь, то развѣ лишь одно: именно то, что при удивительной «беззаботности» нашихъ «передовыхъ» людей по части исторіи философіи, имъ надо было объяснить, до какой степени рѣзко различали въ эпоху Гегеля *метафизику* отъ *спекулятивной философіи*¹⁾. А изъ всего этого слѣдуетъ, что напрасно г. Михайловскій «осмѣливается утверждать» то, чего утверждать невозможно.

По словамъ г. Бельтова, Гегель называлъ метафизической даже точку зрѣнія матеріалистовъ, не умѣвшихъ разсматривать явленія въ ихъ взаимной связи. Такъ это, или не такъ? Потрудитесь прочитать страницу изъ 27-го параграфа 1-ой части Энциклопедіи того-же Гегеля: «Самое полное и недавнее примѣненіе этой точки зрѣнія въ философіи мы находимъ въ старой метафизикѣ, какъ ее излагали до Канта. Впрочемъ, только относительно исторіи философіи время этой метафизики уже миновало; сама же по себѣ она всегда продолжаетъ существовать, представляя собою разсудочное воззрѣніе на предметы». Что такое разсудочное воззрѣніе на предметы? Это именно старое метафизическое воззрѣніе на предметы противоположное діалектическому. Вся матеріалистическая философія 18-го вѣка была «разсудочною» по существу: она именно не умѣла разсматривать явленія иначе, какъ съ точки зрѣнія конечныхъ опредѣленій. Что Гегель прекрасно видѣлъ эту слабую сторону французскаго матеріализма, какъ и всей вообще французской философіи 18-го вѣка, въ этомъ

¹⁾ Кстати, если г. Михайловскій захочетъ хоть отчасти узнать, наконецъ, каково было историческое значеніе «метафизики» Гегеля, то мы порекомендуемъ ему очень популярную и въ свое время очень извѣстную книжку: «Die Posaune des jüngsten Gerichts über Hegel, den Atheisten und Antichristen». Хорошая книжка.

можетъ убѣдиться всякій, кто дастъ себѣ трудъ прочитать относящаяся сюда мѣста изъ 3-й части его «*Urlesungen über die Geschichte der Philosophie*». Поэтому и точку зрѣнія французскихъ матеріалистовъ онъ не могъ не считать старой метафизической точкой зрѣнія ¹⁾. Стало быть, правъ, или неправъ г. Бельтовъ? Кажется, ясно, что совершенно правъ? А вотъ г. Михайловскій «осмѣливается утверждать»... Съ этимъ ничего не подѣлаетъ ни г. Бельтовъ, ни пишущій эти строки. Бѣда г. Михайловскаго именно въ томъ и заключается, что онъ, вступивъ въ споръ съ «русскими учениками» Маркса, «осмѣлился» разсуждать о вещахъ ему совершенно невѣстныхъ.

Мужъ, многоопытный, губить тебя твоя храбрость!

Всякій, знакомый съ философіей, безъ труда замѣтилъ бы, что когда г. Бельтовъ излагаетъ философскіе взгляды Гегеля и Шеллинга, то онъ *говоритъ почти вездѣ собственными словами этихъ мыслителей*: такъ, напримѣръ, его характеристика діалектическаго мышленія представляетъ собою почти дословный переводъ *примѣчанія* и перваго прибавленія къ пар. 81-му первой части Энциклопедіи; затѣмъ онъ почти дословно приводитъ нѣкоторыя мѣста изъ предисловія къ «*Philosophie des Rechts*» и изъ «*Philosophie der Geschichte*». Но этотъ человѣкъ, очень аккуратно цитирующій всякихъ Гельвеціевъ, Анфантеновъ, Оскаровъ Пешелей и т. д., почти ни разу не указываетъ, какія собственно сочиненія Шеллинга и Гегеля и какія мѣста изъ нихъ имѣетъ онъ въ виду въ своемъ изложеніи. Почему же онъ въ этомъ случаѣ отступилъ отъ своего общаго правила? Намъ кажется, что тутъ г. Бельтовъ употребилъ хитрость. Мы думаемъ, что онъ разсуждалъ такъ: наши субъективисты объявили нѣмецкую идеалистическую философію метафизикой и этимъ удовольствовались; они не изучали ее, какъ это дѣлалъ, напримѣръ, еще авторъ примѣчаній къ Миллю. Когда я укажу на нѣкоторыя замѣчательныя мысли нѣмецкихъ идеалистовъ, то гг. субъективисты, не видя никакихъ ссылокъ на сочиненія этихъ мыслителей, подумаютъ, что я самъ сочинилъ эти мысли или взялъ ихъ у Энгельса, и закричатъ: «съ этимъ «можно спорить», «осмѣливаюсь утверждать» и т. д. Тутъ-то я и выведу ихъ невѣжество на свѣжую воду, тутъ то и пойдетъ потѣха! Если г. Бельтовъ, въ самомъ дѣлѣ, употребилъ въ своей полемикѣ эту маленькую военную хитрость,

¹⁾ Впрочемъ, о матеріализмѣ онъ замѣчалъ: «Dennoch muss man in dem Materialismus das begeisterungsvolle Streben anerkennen, über den, zweierlei Welten als gleich substantiell und wahr annehmenden Dualismus hinauszugehen, diese Zerreißung des ursprünglich Einen aufzuheben» (Encyklopädie. Dritter Theil. Seite 54.

то надо сознаться, что она удалась ему, какъ нельзя лучше: потѣха вышла, дѣйствительно, не малая!

Но пойдемъ далѣе. «Всякая философская система, утверждающая вмѣстѣ съ г. Бельтовымъ, что «права разума необъятны и неограничены, какъ и его силы, что поэтому она открыла безусловную сущность вещей—будь это матерія или духъ—есть система метафизическая . . . Додумалась ли она при этомъ до идеи развитія предлагаемой ею сущности вещей или нѣтъ, и если додумалась, то діалектическій ли путь она усваиваетъ этому развитію или какой-иной,—это, конечно, очень важно для опредѣленія ея мѣста въ исторіи философіи, но не измѣняетъ ея метафизическаго характера». («Р. Б.» Янв. 147—148). Насколько можно судить по этимъ словамъ г. Михайловскаго, онъ, чуждаясь метафизическаго мышленія, не думаетъ, что права разума неограничены. Надо надѣяться, что за это его похвалитъ князь Мещерскій. Не думаетъ, очевидно, также г. Михайловскій, что *силы* разума неограничены и необъятны. Это можетъ показаться удивительнымъ со стороны человѣка, не разъ увѣрявшаго своихъ читателей, что *la raison finit toujours par avoir raison*: при ограниченныхъ силахъ (и даже правахъ!) разума эта увѣренность едва-ли у мѣста. Но г. Михайловскій скажетъ, что въ окончательномъ торжествѣ разума онъ увѣренъ лишь въ томъ, что касается практической жизни, сомнѣвается же въ его силахъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о познаніи безусловной сущности вещей («будь это матерія или духъ»). Прекрасно. Что же это за безусловная сущность вещей?

Не правда ли,—это то, что Кантъ называлъ *вещью въ себѣ* (Ding an sich)? Если—да, то мы категорически заявляемъ, что «вещь въ себѣ» намъ извѣстна и что знаніемъ ея мы обязаны именно Гегелю. (Караулъ! кричатъ наши «резвые философы», но мы просимъ ихъ не горячиться).

«Вещь въ самой себѣ, . . . есть предметъ, въ которомъ отвлеклись отъ всего, что дѣлаетъ его доступнымъ сознанію, отъ всѣхъ чувственныхъ элементовъ, какъ и отъ всѣхъ опредѣленныхъ мыслей. Очевидно, что послѣ этого остается только чистое отвлеченіе, пустое бытіе, которое только отнесено за предѣлы сознанія, которое есть отрицаніе всякаго чувства и всякой опредѣленной мысли. Но, въ этомъ отношеніи, легко сдѣлать очень простое разсужденіе, что это *carut mortuum* само есть продуктъ мысли, мысли, составляющей это чистое отвлеченіе, или пустого я, которое дѣлаетъ себѣ предметомъ свое пустое тождество. Отрицательное опредѣленіе, которое даютъ этому отвлеченному тождеству, дѣлая его своимъ предметомъ, упоминается въ числѣ Кантовыхъ категорій, и также хорошо извѣстно, какъ это пустое тождество. Должно слѣд-

ственно удивляться, что такъ часто повторяютъ, будто неизвѣстно, что ничего не можетъ быть легче: какъ знать это»¹⁾).

И такъ, повторяемъ, намъ прекрасно извѣстно, что такое безусловная сущность вещей или вещь въ самой себѣ. Это пустая абстракція. И этой то пустой абстракціей г. Михайловскій думаетъ запугать людей, гордо повторяющихъ вмѣстѣ съ Гегелемъ: *von der Grösse und Macht seines Geistes kann der Mensch nicht gross genug denken!*²⁾. Стара эта пѣсенка, г. Михайловскій! *Sie sind zu spät gekommen.*

Мы увѣрены, что строки, только что нами написанныя, покажутся г. Михайловскому пустой софистикой. «Позвольте, скажетъ онъ, что же въ такомъ случаѣ, понимаете вы подъ матеріалистическимъ объясненіемъ природы и исторіи»? Вотъ что.

Когда Шеллингъ говорилъ, что магнетизмъ есть внѣдреніе субъективнаго въ объективное, — это было *идеалистическимъ* объясненіемъ природы; а когда магнетизмъ объясняется съ точки зрѣнія современной физики, то его явленіямъ дается матеріалистическое объясненіе. Когда Гегель, или хотя бы наши славянофилы, объясняли извѣстныя историческія явленія свойствами народнаго духа, то они смотрѣли на эти явленія съ *идеалистической* точки зрѣнія, а когда Марксъ объяснял, положимъ, хоть французскія событія 1848 — 1850 года борьбой классовъ во французскомъ обществѣ, то онъ давалъ этимъ событіямъ матеріалистическое объясненіе. Ясно-ли? Ну, еще бы вѣтъ! Такъ ясно, что для непониманія сказаннаго нами пужна значительная доза упрямства.

— Тутъ что-то не такъ—соображаетъ г. Михайловскій, растекаясь мыслию по древу (*c'est bien le moment!*). Ланге говоритъ... Мы позволяемъ себѣ перебить г. Михайловскаго: намъ очень хорошо извѣстно, что говоритъ Ланге, но мы увѣряемъ г. Михайловскаго, что его авторитетъ очень ошибается. Въ своей *исторіи материализма* Ланге позабылъ привести, на примѣръ, такое характерное заявленіе одного изъ самыхъ видныхъ французскихъ матеріалистовъ: *Nous ne connaissons que l'écorce des phénomènes* (намъ извѣстна только кора явленій). Другіе, и не менѣе видные, французскіе матеріалисты много разъ высказывались въ томъ же самомъ смыслѣ. Какъ видите г. Михайловскій, французскіе матеріалисты еще не знали, что вещь въ себѣ есть лишь *caput mortuum* абстракціи, и стояли какъ разъ на той точкѣ зрѣнія, которая называется теперь многими *точкой зрѣнія критической философіи*.

Все это, разумѣется, покажется г. Михайловскому очень новымъ и

¹⁾ Гегель. Энциклопедія 1-ая часть, стр. 79—80, пар. 44.

²⁾ *Geschichte der Phil.* 1, 6.

даже совершенно невѣроятнымъ. Но мы пока не скажемъ ему, какихъ именно французскихъ матеріалистовъ и какія именно ихъ сочиненія мы имѣемъ въ виду. Пусть онъ сначала «осмыслится утверждать», а потомъ мы съ нимъ потолкуемъ.

Если г. Михайловскому угодно знать, какъ смотримъ мы на отношеніе нашихъ ощущеній къ внѣшнимъ предметамъ, то мы отошлемъ его къ статьѣ г. Сѣченова: «Предметная мысль и дѣйствительность» въ сборникѣ «Помощь голодающимъ». Полагаемъ, что съ нашимъ знаменитымъ физиологомъ вполне согласится г. Бельтовъ, и всякій другой, русскій или не русскій, ученикъ Маркса. А г. Сѣченовъ говорилъ вотъ что: «Каковы бы ни были внѣшніе предметы сами по себѣ, независимо отъ нашего сознанія,—пусть наши впечатлѣнія отъ нихъ будутъ лишь условными знаками, во всякомъ случаѣ чувствуемому нами сходству и различію знаковъ соотвѣтствуетъ сходство и различіе дѣйствительное. Другими словами: сходства и различія, находимыя человѣкомъ между чувствуемыми имъ предметами, суть сходства и различія дѣйствительныя»¹⁾.

Когда Михайловскій опровергнетъ г. Сѣченова, тогда мы согласимся признать ограниченность не только *силъ*, но даже и правъ человѣческаго разума²⁾.

Г. Бельтовъ сказалъ, что во второй половинѣ нашего столѣтія въ наукѣ, съ которой тѣмъ временемъ совершенно слилась философія, восторжествовалъ матеріалистическій монизмъ. Г. Михайловскій замѣчаетъ: «боюсь, что онъ ошибается». Въ оправданіе своего опасенія онъ ссылается на Ланге, по мнѣнію котораго «die gründliche Naturforschung durch ihre eignen Consequenzen über den Materialismus hinausführt» Если г. Бельтовъ ошибается, то, значитъ, матеріалистическій монизмъ *не* восторжествовалъ въ наукѣ. Что же,—значитъ ученые до сихъ поръ объясняютъ природу посредствомъ внѣдренія субъективнаго въ объективное и прочихъ тонкостей идеалистической натурфилософіи? «Боимся», что ошибся бы тотъ, кто предположилъ бы это; тѣмъ болѣе боимся, что вотъ какъ, напримѣръ, разсуждаетъ имѣющій очень громкое имя въ наукѣ англійскій *натуралистъ* Гексли: «Въ наши дни никто изъ стоящихъ на высотѣ современ-

¹⁾ Сбор. стр. 207.

²⁾ Нашимъ противникамъ представляется очень хорошій случай поймать насъ на такомъ противорѣчьи: Съ одной стороны мы объявляемъ кантовскую „вещь въ себѣ“ пустой абстракціей, а съ другой — мы съ похвалой цитируемъ г. Сѣченова, который говоритъ о предметахъ, какъ они существуютъ сами по себѣ независимо отъ нашего сознанія. Люди понимающіе, конечно, не увидятъ никакого противорѣчья; но вѣдь много ли понимающихъ между нашими противниками?

ной науки и знающих факты не усомнятся въ томъ, что основъ психологіи надо искать въ физиологіи нервной системы. То, что называется дѣятельностью духа, есть совокупность мозговыхъ функцій, и матеріалы нашего сознанія являются продуктами дѣятельности мозга» ¹⁾ Замѣтите, что это говоритъ человѣкъ, принадлежавшій къ такъ называемымъ въ Англіи *агностикамъ*. Онъ полагаетъ, что высказанный имъ взглядъ на дѣятельность духа вполне совмѣстимъ съ чистѣйшимъ идеализмомъ. Но мы, знакомые съ тѣми объясненіями явленій природы, которыя можетъ дать послѣдовательный идеализмъ, понимающіе, откуда происходитъ стыдливость почтеннаго англичанина, повторяемъ вмѣстѣ съ г. Бельтовымъ: во второй половинѣ 19-го вѣка въ наукѣ восторжествовалъ материалистическій монизмъ.

Г. Михайловскій, вѣроятно, знакомъ съ психологическими изслѣдованіями Съченова? Точку зрѣнія этого ученаго когда то горячо оспаривалъ Кавелинъ. Мы боимся, что покойный либераль очень ошибался. Но можетъ быть г. Михайловскій согласенъ съ Кавелинымъ? или можетъ быть, ему вообще требуются какія нибудь другія разъясненія по этой части? Мы отлагаемъ ихъ на тотъ случай, если онъ станетъ «утверждать».

Г. Бельтовъ говоритъ, что господствовавшая до Маркса въ общественной наукѣ точка зрѣнія «человѣческой природы» подавала поводъ къ злоупотребленію біологическими аналогіями, которое и до сихъ поръ даетъ себя сильно чувствовать въ западной соціологической, а особенно въ русской quasi—соціологической литературѣ. Это даетъ г. Михайловскому поводъ обвинить автора книги объ историческомъ монизмѣ въ вопіющей несправедливости и лишній разъ заподозрить добросовѣтность его полемическихъ приемовъ.

«Апеллирую къ читателю, даже вполне ко мнѣ неблагосклонному, но сколько нибудь знакомому съ моими сочиненіями, хотя бы не со всѣми, а только, напримѣръ, съ одной статьей «Аналогическій методъ въ общественной наукѣ» или «Что такое прогрессъ?». Неправда, что русская литература особенно злоупотребляетъ біологическими аналогіями: въ Европѣ, съ легкой руки Спенсера, этого добра несравненно больше, не говоря уже о временахъ комическихъ аналогій Влюнчли съ братіей. И если у насъ дѣло не пошло дальше аналогическихъ упражненій покойнаго Стронина («Исторія и методъ», «Политика, какъ наука»), г. Лиліенфельда (Соціальная наука будущаго), да нѣсколькихъ журнальныхъ статей, то навѣрно и «моего тутъ капля меду есть». Пбо никто не потратилъ столько усилій на борьбу съ біологическими аналогіями, какъ я. И въ свое время я не мало претерпѣлъ за это отъ «Спенсеровыхъ дѣтей». Буду надѣяться, что

¹⁾ Th. Huxley. Hume. Sa vie, sa philosophie, page 108.

и нынѣшняя гроза въ свое время минуетъ...» (стр. 145—146). Эта тирада имѣетъ такой видъ искренности, что и, въ самомъ дѣлѣ, даже неблагоклонный къ г. Михайловскому читатель можетъ сказать себѣ: «Тутъ кажется г. Бельтовъ въ своемъ полемическомъ увлеченіи зашелъ слишкомъ далеко». Но это не вѣрно, и самъ г. Михайловскій знаетъ, что это не вѣрно; если же онъ жалобно взываетъ къ читателю, то единственно по той причинѣ, по которой Плавтовскій Трапюнь говорилъ себѣ:

Pergam turbare porro: ita haec res postulat.

Что собственно сказалъ г. Бельтовъ? Онъ сказалъ: «Если разгадки всего историческаго общественнаго движенія надо искать въ природѣ члвѣка и если, какъ справедливо замѣтилъ еще Сенъ-Симонъ, общество состоитъ изъ индивидуумовъ, то природа индивидуума и должна дать ключъ къ объясненію исторіи. Природу индивидуума изучаетъ фізіологія въ обширномъ смыслѣ этого слова, т. е. наука, охватывающая также и *психическія* явленія. Вотъ почему фізіологія уже въ глазахъ Сенъ-Симона и его учениковъ являлась основой соціологіи, которую они называли соціальной физикой. Въ изданныхъ еще при жизни Сенъ-Симона и при его дѣятельнѣйшемъ участіи «Opinions philosophiques, littéraires et industrielles» напечатана чрезвычайно интересная, къ сожалѣнію, неоконченная статья анонимнаго *доктора медицины* подъ заглавіемъ: «De la physiologie appliquée à l'amélioration des institutions sociales» (о фізіологіи въ примѣненіи къ улучшенію общественныхъ учрежденій). Авторъ разсматриваетъ *науку объ обществѣ*, какъ составную часть «*общей фізіологіи*», которая, обогатившись наблюденіями и опытами спеціальной фізіологіи надъ индивидуумами, предается соображеніямъ «высшаго порядка». Индивидуумы являются для нея лишь «органами общественнаго тѣла», функціи которыхъ она изучаетъ «подобно тому, какъ спеціальная фізіологія изучаетъ функціи индивидуумовъ». Общая фізіологія изучаетъ (авторъ говоритъ—выражаетъ) законы общественнаго существованія, съ которыми и должны сообразоваться писанные законы. Впослѣдствіи буржуазные соціологи, напримѣръ Спенсеръ, пользовались ученіемъ объ общественномъ организмѣ для самыхъ консервативныхъ выводовъ. Но цитируемый нами докторъ медицины прежде всего *реформаторъ*. Онъ изучаетъ общественное тѣло въ видахъ общественнаго *переустройства*, такъ какъ только *соціальная фізіологія* и тѣсно связанная съ нею *шюена* даютъ положительныя основы, на которыхъ можно построить требуемую современнымъ состояніемъ цивилизованнаго міра систему общественной организаціи».

Уже изъ этихъ словъ видно, что по мнѣнію г. Бельтова, біологическими аналогіями можно злоупотреблять не только въ смыслѣ буржуазнаго

консерватизма Спенсера, не и въ *смыслъ утопическихъ плановъ соціальной реформы*. Уподобленіе общества организму играетъ при этомъ совершенно *второстепенную*, если не десятистепенную роль: дѣло не въ уподобленіи общества организму, а въ стремленіи обосновать «соціологию» на тѣхъ или другихъ выводахъ *біологіи*. Г. Михайловскій горячо возставалъ противъ уподобленія общества организму; въ борьбѣ противъ этого уподобленія есть несомнѣнно «капля его меду». Но это вовсе не существенно. Существенное значеніе имѣетъ вопросъ о томъ, — считалъ, или не считалъ г. Михайловскій возможнымъ обосновать соціологию на тѣхъ или другихъ выводахъ *біологіи*? А на этотъ счетъ никакое сомнѣніе невозможно, какъ въ этомъ убѣдится всякій, прочитавшій, на примѣръ, статью «*Теорія Дарвина и общественная наука*». Въ этой статьѣ г. Михайловскій говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Подъ общимъ заглавіемъ «*Теорія Дарвина и Общественная наука*» мы будемъ говорить о различныхъ вопросахъ, затрогиваемыхъ, рѣшаемыхъ и перерѣшаемыхъ теоріей Дарвина и тѣмъ или другимъ изъ ея со дня на день прибывающихъ сторонниковъ. Основная наша задача состоитъ все-таки въ опредѣленіи, съ точки зрѣнія Дарвиновой теоріи, взаимнаго отношенія между фізіологическимъ раздѣленіемъ труда, т. е. раздѣленія труда между органами въ предѣлахъ одного недѣлимаго, и раздѣленіемъ труда экономическимъ, т. е. раздѣленіемъ труда между цѣлыми недѣлимыми въ предѣлахъ вида, расы, народа, общества. Съ нашей точки зрѣнія эта задача сводится къ изысканію основныхъ законовъ коопераціи, т. е. фундамента общественной науки». Искать основныхъ законовъ коопераціи т. е. *фундамента общественной науки въ біологіи* значитъ стоять на точкѣ зрѣнія французскихъ сенъ-симонистовъ двадцатыхъ годовъ; другими словами, «зады твердить и лгать за двухъ».

Тутъ г. Михайловскій можетъ воскликнуть: да вѣдь въ двадцатыхъ годахъ теорія Дарвина еще не существовала. Но читатель понимаетъ, что дѣло ничуть не въ теоріи Дарвина, а въ утопическомъ стремленіи, общемъ г. Михайловскому, съ сенъ-симонистами, *примѣнить фізіологию къ улучшенію общественныхъ учреждений*. Въ указанной нами статьѣ г. Михайловскій совершенно соглашается съ Геккелемъ («Геккель совершенно правъ»), который говорилъ, что будущимъ государственнымъ людямъ, экономистамъ и историкамъ придется главнымъ образомъ обратить свое вниманіе на сравнительную зоологию, т. е. на сравнительную морфологию и фізіологию животныхъ, если они пожелають получить вѣрное понятіе о своемъ специальномъ предметѣ». Какъ хотите, а если Геккель «совершенно правъ», т. е. если соціологамъ (и даже историкамъ!) надо обратить «*главнымъ образомъ*» свое вниманіе на морфологию и фізіологию животныхъ, то безъ злоупотребленія, — *въ ту или иную сторону*, — біологическими

аналогіями дѣло не обойдется! И не ясно ли, что точка зрѣнія г. Михайловскаго на социологію есть старая точка зрѣнія сен-симонистовъ?

Вотъ только это и говорили г. Бельтовъ. И напрасно г. Михайловскій какъ бы снимаетъ съ себя теперь отвѣтственность за социологическія идеи Бухарцева-Ножина. Въ своихъ собственныхъ изслѣдованіяхъ онъ не очень далеко ушелъ отъ взглядовъ своего покойнаго друга и учителя. Г. Михайловскій не понялъ, въ чемъ заключается открытіе Маркса, и потому остался неисправимымъ утопистомъ. Это очень печальное положеніе, но изъ него могло бы вывести нашего автора только новое усиліе мысли, плаксивое же обращеніе къ читателю, даже вполне неблагосклонному, ни мало не поможетъ бѣдному «соціологу».

Г. Бельтовъ сказалъ два слова въ защиту г. П. Струве. Это подало г. Михайловскому и Н.—ону поводъ «утверждать», что г. Бельтовъ взялъ г. Струве не подъ свое «покровительство». Мы очень много говорили въ защиту г. Бельтова. Что скажутъ о насъ г. Михайловскій и г. Н.—онъ? Они, навѣрное, сочтутъ г. Бельтова нашимъ вассаломъ. Заранѣе извиняясь передъ г. Бельтовымъ, что мы предвосхитили его возраженія гг. субъективистамъ, мы спросимъ этихъ послѣднихъ: неужели согласиться съ тѣмъ или другимъ писателемъ значитъ взять его подъ свое покровительство? Г. Михайловскій согласенъ съ г. Н.—ономъ по нѣкоторымъ очереднымъ вопросамъ русской жизни. Должны мы понимать ихъ согласіе въ томъ смыслѣ, что г. Михайловскій взялъ г. Н.—она подъ свое покровительство? Или, можетъ быть, г. Н.—онъ покровительствуетъ г. Михайловскому? Что сказалъ бы покойный Добролюбовъ, услышавъ этотъ странный языкъ современной нашей «передовой» литературы?

Г. Михайловскому кажется, что г. Бельтовъ искажилъ его ученіе о герояхъ и толпѣ. Мы опять думаемъ, что г. Бельтовъ вполне правъ, и что, возражая ему, г. Михайловскій играетъ роль Траніона. Но прежде, чѣмъ подтвердить это наше мнѣніе, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о замѣткѣ г. Н.—она «*Что же значитъ экономическая необходимость?*», появившейся въ мартовской книжкѣ «Русскаго Богатства».

Въ этой замѣткѣ г. Н.—онъ воздвигаетъ противъ г. Бельтова двѣ батареи. Мы возьмемъ ихъ одну за другою.

Сила первой батареи заключается вотъ въ чемъ. Г. Бельтовъ сказалъ, что для рѣшенія вопроса о томъ, пойдетъ, или не пойдетъ Россія по пути капиталистическаго развитія, надо обратиться къ изученію фактическаго положенія этой страны, къ анализу ея современной внутренней жизни. «Русскіе ученики Маркса, на основаніи такого анализа, утверждаютъ: нѣтъ данныхъ, позволяющихъ надѣяться, что Россія скоро

покинетъ путь капиталистическаго развитія». Г. Н.-онъ ехидно повторяетъ: «такого анализа *нѣтъ*». Будто бы нѣтъ, г. Н.-онъ? Прежде всего условимся на счетъ терминологіи. Что вы называете *анализомъ*? Даетъ ли анализъ новыя данныя для сужденія о предметѣ, или оперируетъ съ данными, уже имѣющимися на лицо и полученными другимъ путемъ? Рискуя навлечь на себя обвиненіе въ «метафизичности», мы держимся стараго опредѣленія, по которому анализъ новыхъ данныхъ для сужденія о предметѣ не даетъ, а оперируетъ съ готовыми данными. Изъ этого опредѣленія выходитъ, что русскіе ученики Маркса могли, въ своемъ анализѣ русской внутренней жизни, и не давать какихъ нибудь самостоятельныхъ наблюденій надъ этой жизнью, а довольствоваться матеріаломъ, собраннымъ, напримѣръ, народнической литературой. Если они сдѣлали изъ этого матеріала новый выводъ, то это уже значитъ, что они подвергли эти данныя новому анализу. Теперь спрашивается, стало быть: какія данныя по части развитія капитализма имѣются въ народнической литературѣ, и точно ли русскіе ученики Маркса сдѣлали изъ этихъ данныхъ новый выводъ? Для отвѣта на этотъ вопросъ возьмемъ хоть книгу г. Дементьева «*Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ*». Въ этой книгѣ (стр. 241 и слѣдующія) мы читаемъ: «Наша промышленность прежде, чѣмъ приняла ту форму фабричнаго капиталистическаго производства, въ какой мы находимъ ее теперь, прошла всѣ тѣ же стадіи развитія, какъ и на западѣ... Одной изъ наиболѣе сильныхъ причинъ, по которой мы отстаемъ отъ Запада было крѣпостное право. Благодаря ему наша промышленность прошла гораздо болѣе длинный періодъ кустарнаго и домашняго производства. Только съ 1861 года капиталъ пріобрѣлъ возможность осуществить ту форму производства, къ которой на Западѣ оно перешло почти полтора столѣтія раньше, и только съ этого года начинается болѣе быстрое паденіе кустарнаго и домашняго производствъ съ превращеніемъ ихъ въ фабричное... Но за тридцать лѣтъ (протекшихъ со времени отмѣны крѣпостнаго права) все измѣнилось. Вступивъ на общій съ западной Европой путь экономическаго развитія, наша промышленность неизбѣжно, роковымъ образомъ должна была принять—и приняла—ту самую форму, въ которую она вылилась на Западѣ. Земельное обезпеченіе народной массы, на которое такъ любятъ ссылаться, въ доказательство невозможности у насъ особаго класса свободныхъ отъ всего рабочихъ,—класса, представляющаго неизбѣжнаго спутника современной формы промышленности,—безъ сомнѣнія было и остается до сихъ поръ сильнымъ задерживающимъ моментомъ, однако вовсе не настолько сильнымъ, какъ обыкновенно думаютъ. Очень нерѣдкая недостаточность земельного надѣла и полный упадокъ сельскаго хозяйства, съ одной стороны, и усиленные

заботы правительства, въ пѣляхъ развитія обрабатывающей промышленности, какъ необходимаго элемента для равновѣсія экономическаго баланса государства, съ другой,—таковы условія, которыя какъ нельзя болѣе способствовали и способствуютъ до сихъ поръ умаленію значенія этого земельного обезпеченія. Результатъ такого положенія вещей мы видѣли: образованіе спеціальнаго класса фабричныхъ рабочихъ, класса, по прежнему носящаго названіе «крестьянъ», но не имѣющаго съ крестьянами земельными почти ничего общаго, лишь въ ничтожной степени сохранившаго свою связь съ землей и на половину уже въ третьемъ поколѣніи не покидающаго фабрикъ никогда, и не имѣющаго въ деревнѣ никакой собственности, кромѣ юридическаго, практически почти не реализуемаго права на землю».

Объективныя данныя, приводимыя г. Дементьевымъ, говорятъ очень выразительно: капитализмъ со всѣми его послѣдствіями быстро развивается въ Россіи. Эти данныя г. Дементьевъ дополняетъ разсужденіемъ, по которому выходитъ, что дальнѣйшее движеніе капиталистическаго производства можетъ быть остановлено, и что для этого стоитъ только вспомнить положеніе: *gouverner, c'est prévoir* (стр. 246). Этотъ выводъ г. Дементьева русскіе ученики Маркса подвергаютъ своему анализу и находятъ, что *остановить въ этомъ случаѣ ничего невозможно*; что г. Дементьевъ заблуждается, подобно цѣлой толпѣ народниковъ, сообщившихъ въ своихъ изслѣдованіяхъ массу объективныхъ данныхъ, совершенно тождественныхъ съ тѣми, которыя сообщилъ онъ, г. Дементьевъ ¹⁾. Г. Н.—онъ спрашиваетъ, гдѣ же такой анализъ. Онъ хочетъ сказать, повидимому,—когда и гдѣ появился такой анализъ въ русской печати. На этомъ вопросѣ мы дадимъ ему цѣлыхъ два отвѣта.

¹⁾ „Изъ числа не одной сотни изслѣдованій статистическихъ и иныхъ, которыя производились за послѣдніе двадцать лѣтъ или около того,—говоритъ г. Н.—онъ, намъ не приходилось встрѣчаться съ работами, выводы изъ которыхъ были бы въ чемъ либо согласны съ экономическими выводами гг. Бельтовыхъ, Струве и Скворцовыхъ“? Авторы изслѣдованій, которыя вы г. Н.—онъ, имѣете въ виду, дѣлаютъ у насъ обыкновенно двойкій выводъ: одинъ, согласный съ объективной истиной и гласящій, что капитализмъ развивается, а ветхозавѣтные „устои“ падаютъ; другой—„*субъективный*“ и сводящійся къ тому, что развитіе капитализма можно было бы остановить, еслибы и проч. *Въ подтвержденіе этого послѣдняго вывода никогда не приводится, однако, ровно никакихъ данныхъ, такъ что онъ остается буквально голословнымъ*, не смотря на большее или меньшее обиліе статистическаго матеріала въ тѣхъ изслѣдованіяхъ, которыя онъ собою украшаетъ. „Очерки“ г. Н.—она страдаютъ подобною же слабостью, такъ сказать *анеміей „субъективнаго“ вывода*. Въ самомъ дѣлѣ, какой *«анализъ»* подтверждаетъ ту мысль г. Н.—она, что наше общество можетъ теперь же организовать производство? *Такого анализа нѣтъ!*

Во первыхъ, въ неприятной ему книгѣ г. Струве есть очень дѣльное разсужденіе о *границахъ возможнаго въ настоящее время государственнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь Россіи*. Это разсужденіе есть уже отчасти тотъ анализъ, котораго требуетъ г. Н.—онъ, и противъ этого анализа г. Н.—онъ ничего дѣльнаго не возражаетъ.

Во вторыхъ, помнить-ли г. Н.—онъ споръ происходившій въ сороковыхъ годахъ между славянофилами и западниками? Въ этомъ спорѣ «анализъ внутренней русской жизни» тоже игралъ очень важную роль, но въ печати этотъ анализъ приурочивался почти исключительно къ чисто-литературнымъ вопросамъ. На это были свои историческія причины, которыя г. Н. —онъ непременно долженъ принять въ соображеніе, если не хочетъ прослыть смѣшнымъ педантомъ. Скажетъ ли г. Н. —онъ, что эти причины не имѣютъ теперь никакого отношенія къ анализу «русскихъ учениковъ»?

«Ученики» до сихъ поръ не напечатали самостоятельныхъ изслѣдованій о русской экономической жизни. Это объясняется крайней новостью въ Россіи того направленія, къ которому они принадлежатъ. До сихъ поръ въ русской литературѣ господствовало *народническое* направленіе, благодаря которому изслѣдователи, сообщая объективныя данныя, свидѣтельствовавшія о паденіи старинныхъ «устоевъ», потопляли ихъ въ водѣ своихъ «*субъективныхъ*» упованій. Но именно обиліе сообщенныхъ народниками данныхъ и подало поводъ къ появленію новаго взгляда на русскую жизнь. Этотъ новый взглядъ несомнѣнно ляжетъ въ основу новыхъ самостоятельныхъ наблюденій. Уже теперь мы можемъ указать г. Н. —ону, напримѣръ, на работы г. Харизоменова, которыя очень сильно противорѣчатъ народническому катехизису, что хорошо почувствовалъ г. В. В., часто и безуспѣшно пытавшійся опровергнуть почтеннаго изслѣдователя. Авторъ книги «*Южно-русское крестьянское хозяйство*» совсѣмъ не марксистъ, но едва ли г. Н. —онъ скажетъ, что взглядъ г. Постникова на современное положеніе въ Новороссіи общины и вообще крестьянскаго землепользованія согласенъ съ обычнымъ у насъ народническимъ взглядомъ.

А вотъ г. Бородинъ, авторъ замѣчательнаго изслѣдованія объ уральскомъ казачьемъ войскѣ, уже обѣими ногами стоитъ на той точкѣ зрѣнія, которую мы защищаемъ, и которая имѣетъ несчаствіе не правиться г. Н. —ону. На это изслѣдованіе не обратила вниманія наша народническая публицистика, но не потому, что оно лишено внутренней цѣнности, а единственно потому, что названная публицистика имѣетъ особый «субъективный» духъ. А дальше будетъ больше г. Н. —онъ: эра марксистскихъ изслѣдованій только что начинается въ Россіи *).

*) Мы не говоримъ о книгѣ г. П. Струве потому, что она г. Н. —ону

Г. Н. — онъ тоже считаетъ себя марксистомъ. Онъ ошибается. Онъ только *побочный* потомокъ великаго мыслителя. Его міросозерцаніе представляетъ собой плодъ незаконнаго сожительства теоріи Маркса съ г. В. В. Отъ «*Mütterchen*» г. Н. — онъ заимствовалъ терминологию и нѣкоторыя экономическія теоремы, понятія имъ, впрочемъ, крайне абстрактно, а потому и невѣрно. Отъ «*Väterchen*», онъ наследовалъ утопическое отношеніе къ соціальной реформѣ, съ помощью котораго онъ и воздвигъ свою вторую батарею противъ г. Бельтова.

Г. Бельтовъ говоритъ, что общественныя отношенія собственной логикой своего развитія приводятъ человѣка къ сознанію причинъ его пораженія экономической необходимости. «Сознавъ, что причина его пораженія лежитъ въ анархіи производства, производитель, «общественный человѣкъ», организуетъ это производство и тѣмъ самымъ подчиняетъ его своей волѣ. Тогда оканчивается царство необходимости и воцаряется свобода, которая сама оказывается необходимостью». По мнѣнію г. Н. — она, все это совершенно справедливо. Но къ справедливымъ словамъ г. Бельтова г. Н. — онъ дѣлаетъ слѣдующее добавленіе: «задача, слѣдовательно, заключается въ томъ, чтобы общество изъ пассивнаго зрителя проявленія даннаго закона, тормозящаго развитіе его производительныхъ силъ, при помощи наличныхъ матеріально-хозяйственныхъ условій, — отыскало бы средство подчинить этотъ законъ своей власти, обставивъ проявленія его такими условіями, которыя бы не только не тормозили, но способствовали бы развитію производительныхъ силъ труда (силъ труда!) всего общества, взятаго въ цѣломъ».

Совершенно незамѣтно для самого себя, г. Н. — онъ сдѣлалъ изъ «совершенно справедливыхъ» словъ г. Бельтова до крайности запутанный выводъ.

У г. Бельтова рѣчь идетъ объ общественномъ человѣкѣ, о совокупности производителей, которымъ, дѣйствительно, предстоитъ побѣдить экономическую необходимость. Г. Н. — онъ на мѣсто *производителей* ставитъ *общество*, которое, «въ качествѣ производительнаго цѣлаго не можетъ безучастно, «объективно», относиться къ развитію такихъ общественно-хозяйственныхъ отношеній, при которыхъ большинство его членовъ осуждено на прогрессивное обѣдненіе».

непріятна. Но напрасно г. Н. — онъ такъ рѣшительно называетъ эту книгу нигуда негодной. Въ спорѣ съ г. Н. — ономъ г. П. Струве очень и очень постоятъ за себя. А что касается собственнаго „анализа“ г. Н. — она, то, кромѣ общихъ мѣстъ, отъ него останется очень немного, когда его примутся „*анализировать*“ съ точки зрѣнія Маркса. Надо надѣяться, что не долго заставитъ ждать себя этотъ анализъ.

«Общество въ качествѣ производительнаго цѣлаго»... Анализъ Маркса, котораго будто бы придерживается г. Н. —онъ, не останавливался передъ обществомъ, какъ производительнымъ цѣлымъ. Онъ расчленялъ современное общество, согласно его истинной природѣ, на отдѣльные классы, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой особый экономическій интересъ и свою особую задачу. Почему «анализъ» г. Н. —она не поступаетъ такъ же? Почему, вмѣсто того, чтобы говорить о задачѣ русскихъ производителей, г. Н. —онъ заговорилъ о задачѣ общества въ его цѣломъ? Это общество, взятое въ его цѣломъ, обыкновенно, и не безъ основанія, противопоставляется народу и такимъ образомъ оказывается, несмотря на свою «цѣлость», лишь маленькой частью, лишь незначительнымъ меньшинствомъ населенія Россіи. Когда г. Н. —онъ увѣряетъ насъ, что это ничтожное меньшинство организуетъ производство, то мы можемъ только пожать плечами и сказать себѣ: это г. Н. —онъ взялъ не у Маркса, это онъ унаслѣдовалъ отъ своего «*Väterchen*», отъ г. В. В.

По Марксу, организациа производства предполагаетъ сознательное отношеніе къ нему производителей, экономическое освобожденіе которыхъ и должно быть, поэтому, ихъ собственнымъ дѣломъ. У г. Н.—она организациа производства предполагаетъ сознательное отношеніе къ нему со стороны общества. Если это марксизмъ, то, дѣйствительно, Марксъ никогда марксистомъ не былъ.

Но, положимъ, что общество, дѣйствительно, выступаетъ въ качествѣ организатора производства. Въ какое отношеніе становится оно къ производителямъ? Оно *организуетъ ихъ*. Общество является *героемъ*; производители—*толпою*.

Мы спрашиваемъ г. Михайловскаго, «утверждающаго», что г. Бельтовъ искажилъ его ученіе о герояхъ и толпѣ, думаетъ ли онъ подобно Н.—ону, что общество можетъ организовать производство? Если—да, то онъ именно стоитъ на той точкѣ зрѣнія, при которой общество, «*интеллигенція*», является героемъ, демиургомъ нашего будущаго историческаго развитія, а милліоны производителей толпой, изъ которой герой будетъ лѣпить то, что считаетъ нужнымъ вылѣпить, сообразно своимъ идеаламъ. Вотъ теперь пусть и скажетъ безпристрастный читатель:—правъ-ли былъ г. Бельтовъ въ своей характеристикѣ «субъективнаго» взгляда на народъ, какъ на толпу?

Г. Михайловскій заявляетъ, что онъ и его единомышленники тоже ничего не имѣютъ противъ развитія самосознанія производителей. «Думается мнѣ только, говоритъ онъ, что для программы столь простой и ясной не зачѣмъ было подниматься за облака Гегелевской философіи и опускаться на дно крошки изъ субъективнаго и объективнаго». Но въ томъ то и

дѣло, г. Михайловскій, что въ глазахъ людей вашего образа мыслей самосознаніе производителей не можетъ имѣть такого значенія, какое имѣетъ оно въ глазахъ вашихъ противниковъ. Съ вашей точки зрѣнія производство можетъ быть организовано «обществомъ»; съ точки зрѣнія вашихъ противниковъ—только самими производителями. Съ вашей точки зрѣнія «общество» дѣйствуетъ, а производитель содѣйствуетъ. Съ точки зрѣнія вашихъ противниковъ производители не содѣйствуютъ, а дѣйствуютъ. Само собою понятно, что для содѣйствующихъ нужна меньшая степень сознанія, чѣмъ для дѣйствующихъ, потому что давно и очень справедливо было сказано: ина слава лунѣ, ина слава солнцу, ина слава звѣздамъ, звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ. *Вы относитесь къ производителямъ, какъ относились къ нимъ французскіе и нѣмецкіе утописты тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.* Ваши противники осуждаютъ *всякое утопическое отношеніе къ производителямъ.* Если бы вы, г. Михайловскій, лучше были знакомы съ исторіей экономической литературы, то вы знали бы, что для устраненія утопическаго отношенія къ производителямъ надо было подняться именно до облаковъ гегелевской философіи и опуститься потомъ на дно политико-экономической прозы.

Г. Михайловскому не нравится слово производитель: конюшней, видите ли, пахнетъ. Мы скажемъ: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Слово «*производитель*» впервые стали употреблять, насколько намъ извѣстно, Сень-Симонъ и сен-синсимонисты. Со времени существованія журнала «*Le Producteur*», т. е. съ 1825 года, оно употреблялось въ западной Европѣ безчисленное множество разъ и никому *конюшни* не напоминало. Но вотъ заговорилъ о производителяхъ русскій *кающійся дворянинъ*, и тотчасъ вспомнилъ о конюшнѣ. Чѣмъ объяснить такое странное явленіе? Вѣроятно, воспитаніемъ и традиціями кающагося дворянина.

Г. Н.—онъ съ большимъ ехидствомъ приводитъ слѣдующія слова г. Бельтова: «хотя у одного изъ нихъ (русскихъ учениковъ Маркса) могутъ быть болѣе, у другого менѣе обширныя экономическія познанія, но дѣло здѣсь не въ размѣрѣ познаній отдѣльныхъ лицъ, а въ самой точкѣ зрѣнія». Г. Н.—онъ спрашиваетъ: «Куда же дѣвались всѣ требованія держаться почвы дѣйствительности, необходимости детальнаго изученія хода экономическаго развитія (это что-то не ясно г. Н.—онъ «требованія необходимости детальнаго изученія»). Теперь оказывается, что все это нѣчто второстепенное, что дѣло не въ размѣрѣ знаній, а въ точкѣ зрѣнія».

Г. Н.—онъ, какъ видно, любитъ сказать подчасъ что нибудь смѣшное. Но мы посовѣтуемъ ему не забывать здраваго смысла въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ хочетъ посмѣшить людей. Иначе, смѣющіеся будутъ не на его сторонѣ.

Г. Н.—онъ не понялъ г. Бельтова. Постараемся выручить его изъ затрудненія. Въ той же самой книжкѣ «Русскаго Богатства», гдѣ напечатана замѣтка г. Н.—она, въ статьѣ г. П. Мокіевского: «*что такое образованный человекъ*» (стр. 33, примѣчаніе) мы нашли слѣдующія, очень поучительныя для г. Н.—она строки: «Одинъ арабскій ученый говорилъ своимъ ученикамъ: если кто-либо скажетъ вамъ, что законы математики ошибочны и въ доказательство этого превратить палку въ змѣю, то не считайте подобное доказательство убѣдительнымъ. Это типичный примѣръ. Образованный человекъ отвергнетъ подобное доказательство, хотя бы онъ (въ отличіе отъ ученаго) и не зналъ законовъ математики. Онъ скажетъ: превращеніе палки въ змѣю есть необычайное чудо, но изъ него нѣ слѣдуетъ, что законы математики ошибочны. Съ другой стороны, несомнѣнно, что всѣ необразованные люди немедленно повергнутъ къ ногамъ подобнаго чудодѣя всѣ свои убѣжденія и вѣрованія».

У одного изъ учениковъ умнаго араба могли быть болѣе, у другого менѣе обширныя математическія познанія, но ни одинъ изъ нихъ, вѣроятно, не упалъ бы къ ногамъ чудодѣя. Почему? Потому, что каждый изъ нихъ прошелъ хорошую школу; потому что тутъ дѣло не въ обширности знаній, *а въ той точкѣ зрѣнія*, съ которой превращеніе палки въ змѣю не можетъ служить опроверженіемъ математическихъ истинъ. Понятно ли вамъ это, г. Н.—онъ? Надѣмся, что—да: очень ужъ это простая, совсѣмъ даже азбучная вещь. Ну, а если понятно, то вы и сами видите теперь, что слова г. Бельтова на счетъ точки зрѣнія и пр. ни комъ образомъ не устраниаютъ имъ же выставленнаго требованія держаться почвы дѣйствительности.

Но мы боимся, что вы все-таки плохо соображаете, въ чемъ дѣло. Мы дадимъ вамъ другой примѣръ. У васъ не Богъ знаетъ сколько экономическихъ свѣдѣній, но все-таки ихъ больше у васъ, чѣмъ у г. В. В. Это не мѣшаетъ, однако, вамъ стоять на одной съ нимъ точкѣ зрѣнія. *Вы оба—утописты*. И когда кто нибудь станетъ характеризовать взгляды общіе вамъ обоимъ, онъ оставитъ въ сторонѣ количественное различіе вашихъ знаній и скажетъ: дѣло въ точкѣ зрѣнія этихъ людей, заимствовавшихъ ее у утопистовъ временъ царя Гороха.

Теперь уже вамъ должно быть совсѣмъ ясно, г. Н.—онъ, что вы не-кстати заговорили объ обращеніи г. Бельтова къ субъективному методу, что очень большого дали вы маху.

На всякій случай скажемъ тоже самое иными словами. Какъ бы ни различались между собой, по размѣру своихъ знаній, русскіе послѣдователи Маркса, но ни одинъ изъ нихъ, оставаясь вѣренъ себѣ, не повѣритъ ни вамъ, ни г. В. В., когда вы станете утверждать, что вотъ какое-то тамъ

«общество» организовать у насъ производство. Ихъ точка зрѣнія помѣшаетъ имъ *повернуть свои убѣжденія къ ногамъ социальныхъ чудодѣевъ.*

Довольно объ этомъ, но разъ коснулись мы субъективнаго метода, то отмѣтимъ, какъ презрительно третируетъ его г. Н. — онъ. Изъ его словъ выходитъ, что названный методъ не имѣлъ въ себѣ ни капли научности, а былъ снабженъ только нѣкоторымъ облаченіемъ, которое мало-мальски придавало ему «научную» вѣщность. Очень хорошо, г. Н. — онъ! Но что скажете о васъ вашъ покровитель г. Михайловскій?

Г. Н. — онъ вообще не очень церемонится со своими субъективными покровителями. Его статья, «*Апология власти денегъ, какъ признакъ времени*», имѣетъ эпиграфъ:

«L'ignorance est moins éloignée de la vérité que le préjugé». La vérité — это, безъ сомнѣнія, самъ г. Н. — онъ. Онъ такъ и говоритъ: «Если же кто будетъ слѣдовать неуклонно дѣйствительно объективному способу изслѣдованія, тотъ можетъ быть вполне въ томъ увѣреннымъ, придетъ къ заключеніямъ, если не тождественнымъ съ тѣми, къ которымъ пришли мы, то близкимъ къ нимъ» (мартъ, Р. Б., стр. 54).—Préjugé это, конечно, г. Струве, противъ котораго Vérité направляетъ жало своего «анализа». Ну, а кто же та ignorance, которая ближе къ истинѣ (т. е. къ г. Н. — ону), чѣмъ Préjugé т. е. г. Струве? Очевидно, ignorance—это нынѣшніе субъективные союзники г. Н. — она. Очень хорошо, г. Н. — онъ! Вы какъ разъ попали въ слабое мѣсто вашихъ союзниковъ. Но еще разъ, что скажете о васъ г. Михайловскій? Вѣдь онъ можетъ припомнить мораль извѣстной басни:

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться...

Ну, кажется, довольно полемики! кажется, мы не оставили безъ отвѣта возраженія нашихъ противниковъ. А если намъ и случилось упустить изъ виду какое нибудь изъ нихъ, то вѣдь намъ придется еще не разъ вернуться къ нашему спору. Значитъ, можно положить перо. Но прежде чѣмъ разстаться съ нимъ, мы скажемъ нашимъ противникамъ еще пару словъ.

Вотъ вы, господа, все «хлопчете» объ устраненіи капитализма; но посмотрите, что выходитъ: капитализмъ идетъ себѣ впередъ и вашихъ «хлопотъ» совсѣмъ не замѣчаетъ, вы же, съ вашими идеалами и вашими прекрасными намѣреніями, топчетесь на одномъ мѣстѣ. Что тутъ хорошаго? Ни себѣ пользы, ни людямъ! Отчего это такъ? Оттого, что вы утописты, что вы носитесь съ *утопическими* планами социальныхъ ре-

формъ и не видите тѣхъ прямыхъ и насущныхъ задачъ, которыя, извините за выраженіе, находятся у васъ прямо передъ носомъ. Подумайте хорошенько. Можетъ быть, вы и сами скажете, что мы правы. Впрочемъ, объ этомъ мы еще потолкуемъ съ вами. Теперь же—*Dominus vobiscum.*

Утисъ.

